

Не повтори моей судьбы

Ирина Мальцева

18+

Ирина Мальцева

Не повтори моей судьбы

«Автор»

2016

Мальцева И. Н.

Не повтори моей судьбы / И. Н. Мальцева — «Автор», 2016

Александра Панова почти повторила судьбу своей матери, на чью долю выпали одни переживания и ни грамма любви. Но она сумела переломить судьбу и стать счастливой, любимой и не потерявшей веру в лучшее.

© Мальцева И. Н., 2016

© Автор, 2016

Ирина Мальцева

Не повтори моей судьбы

Часть первая

Тая Панова еще в школе была толстушкой, а уж когда пошла учиться на повариху, да через три года встала к котлам, то и вовсе стала необъятной. Понятно, что ухажеров у неё не было, а те парни и мужики, что приходили обедать в столовую, принадлежащую вагоноремонтному депо, не прочь были ущипнуть сливочно-белое тело поварихи, отпустить, как им казалось, остроумную шутку по поводу округлостей её тела или поспорить, сколько килограммов в каждой ляжке Таисии. Но назначить ей свидание им не приходило в голову.

Если бы не полнота, Таю любой бы признал красивой девушкой: большие темно-серые глаза с длиннющими, загнутыми ресницами, темные брови вразлет, пряменький нос и красивые сочные губы, шея, грудь и руки как с картины Рубенса. Редко кто видел Таю без белого поварского колпака, но кому повезло, единодушно признавали, что волос Тайке Бог на четверых дал, только ухаживать она за ними не умела, затягивала резинкой, а концы приклепывала уродливой заколкой.

Одевалась Тая немодно, потому что в обычных магазинах на неё не подберешь, а ехать в специализированный магазин, типа «Трех богатырей», стеснялась. Вот и обращалась, если случалась нужда в новом платье, к Клавдии Егоровне, которая всю жизнь проработала в швейном цехе. Та ей шила незамысловатые платья, которые отличались лишь формой воротничка или застежкой на груди. Да честно сказать, приталить платья Таисии не было никакой возможности: от подмышек до бедер портняжная лента одинаково показывала чуть меньше полутора метров.

Бедная девушка старалась похудеть, морила себя голодом, но все без толку. То ли конституция такая была, то ли её легкий, незлобивый характер был тому виной, но Тая росла в ширину несмотря ни на что.

За время работы в столовой депо в её жизни произошло только одно значительное событие: как хорошему производственнику ей выделили квартиру в ведомственном доме. Квартирка была небольшая, но Тая радовалась ей безмерно, потому что связывала с ней свои мечты о замужестве.

Живя с родителями в маленьком домике на окраине, Тая считала вслед за своими товарищами по столовой, что отсутствие отдельного жилья ставит непреодолимую преграду для женского счастья.

– Ты что же ухажера к родителям поведешь, да за занавеску? – вещала старшая повариха Василиса Алексеевна, которую за глаза все называли Васькой. Была Васька крупная, мосластая, мужиковатая на вид и с густой порослью над верхней губой и на подбородке. – В вашей комнатухе не то что любиться, но и дышать громко нельзя. А будет отдельная жилплощадь, так и мужика можно пригласить, а там...

Что будет «там», Васька не договаривала, но Тайка не дура какая-нибудь, не малолетка, все понимала.

Ваську поддерживали и другие работницы столовой. Не в пример Тайке, были они все замужем, а Ленка Доскина уже двух мужей сменила, а теперь находилась в поиске третьего.

– Это баба согласна с мужиком и в шалаше жить, а мужику подавай комфорт, – с видом знатока говорила она, таща на животе плиту с котлетами. – Будь ты хоть красавица, а без отдельного жилья мужика не приманишь. Зато с квартиркой даже на тебя, Тайка, мужик найдется.

—Это ты что же, курва, так про Таисию, а?—вступилась за девушку Васька.—Можно подумать ты—царица шемаханская!

—Но уж не такая, как она!—парировала Ленка, со скрежетом закрывая дверцу плиты.—В ней центнера полтора будет, а мужикам сейчас фигуристых подавай.

—У самой-то ни кожи, ни рожи,—чуть слышно произнесла Ольга Каблукова, стоящая на замесе теста.

Но Ленка услышала, развернулась в её сторону, уперла кулаки в бедра и пошла ту костерить. Васька попыталась предотвратить скандал, да куда там. Если Ленка разойдется, пиши пропало.

А Таисия стояла у разделочного стола, глотая слезы и кляня свой аппетит. Она уже не раз подумывала о том, чтобы сменить профессию, пойти, например, работать в депо или на стройку, где много мужиков и нет соблазнов в виде пирогов, запеканок и фруктового киселя. Но понимала, что никогда этого не сделает, потому что любила свое дело, любила своих девчонок, была счастлива, когда слышала от работяг похвалу в свой адрес:

—Таисия Романовна, картошечка у вас сегодня просто объедение,—громогласно возвещал мастер Борисов, поглаживая «буденовские» усы.

—Мне биточков заверни, Тая,—шептал ей электромонтер Подерев. Все знали, что его жена готовит плохо, вот и носит мужик еду из столовой, а дома только разогревает.

—А что сегодня, тефтели?—радовались слесаря, втягивая в себя сытный дух мяса.—Золотые у тебя руки, Таечка, нигде таких тефтелей нет, как у тебя. Боимся, как бы тебя в кремлевскую столовую не забрали. Сразу с голоду умрем.

Таисия слушала, краснела от удовольствия, представляла, как бы кормила «своего мужика» котлетами и бифштексами. Но время шло, а желающего полакомиться кулинарными шедеврами Таисии Пановой не в столовой, а у неё дома, не находилось.

И вот счастье привалило поварихе: многодетная семья Алексеевых получила четырехкомнатную квартиру в новом доме, а старую отдали Таисии. По такому радостному случаю девчонки устроили вечеринку в подсобке, выпили на шестерых три бутылки водки, до полночи горланили песни и даже пытались плясать. Кто смог, побрел домой, а Васька улеглась на широкий подоконник в обеденном зале и захрапела. Тайка тоже не пошла домой, сидела одна за разоренным столом, подперев пухлой рукой пухлую щеку и мечтательно щурила глаза на засиженную мухами шестидесятиваттовую лампочку. Мысленно она уже обставила комнаты полированной мебелью, увешала стены коврами, расставила хрусталь в серванте. Под конец она представила, как будет выглядеть её кровать.

Пусть другие спят на поролоне, а она, Таисия, ни за что не откажется от пуховой перины, которую ей пушинка к пушинке собирала мать, и от четырех пуховых же подушек, на которые и наволочек-то не подобрать из-за большого размера. Пусть в моде разноцветное постельное белье, а она признает лишь белое, с голубизной, крахмальное, пахнущее морозом и уютом.

Только дурак не оценит такого любовного ложа, а уж она постарается, чтобы мужчина не смог оттуда выбраться.

В пьяной головешке Таисии вертелась заманчивая картина. Вот она, сливочно-белая дева, рядом с мускулистым загоревшим мужчиной в объятиях хрусткой и благоухающей постели. Мужчина оглаживает пышные формы девицы, кладет чернокудрую голову на её мягкую грудь, вдыхая сладкий запах ванили, исходящий от кожи.

—Тая, Тая...—зовет мужчина.

—Я тут,—отвечает Таисия и отталкивается грудью от стола.

В полутемной подсобке она одна, а голос звучит из-за двери. Неровным шагом девушка направляется в обеденный зал, пытается разглядеть того, кто зовет её, но видит лишь перевернутые стулья на пластиковых столах, пальмы в кадках по углам да узкую стойку для чистых и использованных подносов.

—Тая,—снова слышится голос, и девушка идет к широкому окну, где видит лежащую на подоконнике Ваську. Женщина, заслышав тяжелые шаги, поднимает голову и тянется руками к Таисии.—Иди ко мне!

Тайка останавливается, таращит глаза, пытается понять, чего хочет Васька.

—Василиса Алексеевна, вам плохо?—тупо спрашивает Тайка, но близко подойти опасается.

Васька поднимается, спускает ноги с подоконника.

—Дай,—говорит она и тянется к девушке. Та неосторожно двигается в сторону старшей поварихи и оказывается в обруче крепких рук. Васька стискивает бедра Таисии, лицом погружаясь в складки живота.

—Сладкая моя...—шепчет Васька и мертвой хваткой впивается в ягодицы растерянной девушки. Хмель моментально выскакивает из головы Тайки, а душа наполняется таким непонятным страхом, что она вскидывает руки к голове и кричит:

—А-а-а-а-а...

Она кричит до тех пор, пока хватает дыхания, а потом, задохнувшись, всей тяжестью тела двигает в сторону, освобождаясь от рук Васьки. Повариха не удерживается и валится с подоконника, но все пытается удержать Тайку за ногу. Та изо всех сил брыкает ногой, Васька вскрикивает и отпускает её. Девушка бежит в подсобку, но на полпути понимает, что там тупик и поворачивает в сторону служебного выхода.

Дверь оказалась незапертой, и Тайка как была в одном халате, так и бежит по темным улицам, посекундно оглядываясь, не гонится ли за ней Васька.

Только у своей калитки девушка почувствовала, что страх отпустил её. Отсутствие шагов и каких-либо подозрительных звуков окончательно успокаивает её, и она без сил опускается на скамейку под кустом сирени. Пробежка от столовой до дома стала серьезным испытанием для нетренированного сердца Таисии, и она почувствовала, что, несмотря на пот, ручьем текущий под застиранным халатом, её всю сжало холодом, руки и ноги налились тяжестью, а в левую лопатку словно кол воткнулся. Тайка старалась ровно дышать, но в груди появилась помеха, которая все разрасталась и разрасталась, пока и вовсе не перекрыла дыхание. Руки девушки ещё судорожно цеплялись за доску скамейки, а тяжелое тело уже валилось вбок. Хлипкие пуговицы натянувшегося на теле халата отлетали одна за другой, открывая белые, в складочках Тайкины ноги, сатиновый на широких лямках самострочный лифчик, из которого дрожжевым тестом выползали груди, и необъятный живот, разрезанный пополам тугой резинкой от трусов.

Вот в таком малопривлекательном виде нашел Тайку её отец, когда далеко за полночь вышел покурить. Одному справиться с неподъемным телом ему было не под силу, пришлось будить мать. Но и вдвоем они смогли лишь уложить Тайку на скамейку и прикрыть полуобнаженное тело байковым одеялом. Только после этого Роман Петрович побежал к зданию почты, где был единственный в их районе работающий телефон-автомат. На бегу он соображал, куда звонить: 03 или 02. Тут, пожалуй, голову поломаешь, когда увидишь свою дочь в халате без пуговиц да с вывалившимися грудями. Шпаны много разной, может, кто и позарился на пышнотелую Таисию.

Добежав до автомата, Роман Петрович все же набрал 03, а на вопрос диспетчера, что случилось, надолго замолчал.

—Алло, вы меня слышите?—надрывался голос в телефонной трубке.—Я спрашиваю, что случилось? Драка? Температура? Сердце?

—Да-да,—чуть ни обрадовался Роман Петрович,—сердце прихватило.

—Ждите.

Они ждали минут тридцать. В предутренней тишине Пановы издали расслышали звук приближающейся «скорой», с надеждой следили за слабым светом фар, оживляющих словно

вымершую улицу. Тайка недвижно лежала на скамейке, а Татьяна Васильевна своим дыханием согревала похолодевшее лицо дочери.

Девушку с трудом уложили на носилки, втолкнули в машину и увезли, сказав на прощание, где можно справиться о её состоянии утром.

Так впервые Тайка Панова узнала, что её огромному цветущему телу досталось слабенькое сердце.

—Так часто бывает,—участливо разговорилась с ней врачиха,—когда супруги поздно заводят детей. Тебя Татьяна Васильевна во сколько лет родила? Почти в сорок? В том-то и дело! В таком возрасте да первые роды... Ей ведь тоже досталось.

Тайка согласилась. Действительно, если сравнить фотографии Татьяны Васильевны до и после родов, то видна существенная разница. На первых—сбитая, крепкая, полнолицая женщина, на вторых—исхудавшая, с болезненным выражением лица.

—Не повтори той же ошибки, девушка. Тебе рожать пора, иначе...

Тайка горько вздохнула. Рожать. Да разве она против? Но от святого духа что ли? Хоть бы какой-нибудь заваливающийся мужичок нашелся для неё. Другие вон по которому разу высказывают замуж, а ей хоть бы так, без замужества, для зачатия только.

Времени в больнице было много, а дума у Тайки была одна, так что она её обдумывала со всех сторон, но ничего путного так и не решила. Не могла же она подойти к мужику сама и предложить ему... ну... это... переспать с ним?!

Однажды ночью она долго не спала, ворочалась так, что пружины стонали под её телом.

—Чего не спишь?—повернулась в её сторону соседка по палате.—Может сестру позвать?

—Не, не нужно.

Соседка поднялась.

—Вижу, мысли тебе покоя не дают. А ты поделись, все легче станет,—предложила женщина.

Она спустила ноги на пол, нашарила шлепки и побрела к общему столу, где стоял графин с водой. Привыкшие к темноте глаза Тайки разглядели, что женщина кинула в рот таблетку и запила её глотком воды. Потом она постояла, потирая левую сторону груди и плечо, и побрела назад. Остановилась у кровати девушки.

—Я присяду? Поговорим тихонько, чтобы других не будить.

И Тайка рассказала ей все. Женщина не перебивала, не переспрашивала, только головой качала в знак того, что слышит и понимает. Выслушала, но в ответ ни слова участия, ни совета. Пошла к своей койке, тяжело опустилась на жалобно скрипнувшие пружины.

Тайке подумалось, что этим все и кончится, но она ошиблась. Женщина легла, повозилась, устраиваясь удобнее, вздохнула.

—У меня бабка была—цыганка, безошибочно гадала на картах. Мать моя тоже могла, а я оказалась неспособной. Но завтра для тебя раскину и скажу, чего ждать тебе. Хочешь?

—Ага,—ответила Тайка.

Спать не хотелось. Думать о том, что с нею станет, не хотелось, лучше дожидаться утра и выслушать внучку цыганки. Зато пришли мысли о том, что предшествовало её сердечному приступу. Ясно, что сердце не выдержало ни того, сколько она выпила и съела за столом в подсобке, ни страха перед непонятным поведением Васьки, ни панического бегства до дома. Одного из трех хватило бы, чтобы уложить её в больницу, а тут сразу все навалилось. Врач сказал, что ей повезло, могло быть и хуже.

Тайка сильно зажмурилась, представив себе Ваську, сидящую на подоконнике, тянущиеся руки, её грубый голос и то, что она стала делать с ней, с Тайкой. Если бы это был кто-нибудь из мужчин, ну хоть грузчик Леха, она бы поняла. И отбиваться не стала, взрослая уже. Но тут Василиса Алексеевна, у которой муж, двое детей!

Или ей это все почудилось спяну? Может, ничего этого и не было, а ей все это привиделось? Бывают же у людей эти...как их...галлюцинации?

Тайка завозилась. Нет, ей не почудилось. Она, как только разрешили ей вставать, в туалет пошла. Когда трусы снимала, почувствовала боль в мягких местах. Вернулась в палату, взяла у соседки зеркальце и снова в туалет. Извернулась, глянула в зеркальце, а на ягодицах синячки: четыре с одной стороны, четыре с другой.

Так что не галлюцинации у неё.

О таких женщинах, которые к женщинам пристают, она слышала, и видеть однажды довелось. Когда строился дом для работников депо, бригада каменщиков и штукатуров-маляров ходила обедать в их столовую. Понятно, что Тайка все это время надеялась, что кто-нибудь из строителей на неё обратит внимание. Она и халат новый насинила, накрахмалила, кудри из-под шапочки выпустила, на ноги, вместо тапок на резиновой подошве, туфли надела, что еще со школьного выпускного у неё хранились. А уж старалась готовить! Строители по две порции у неё брали, особенно им зразы полюбились и биточки.

Надо было узнать, который из них холостой, и Тайка подговорила Ленку Доскину. Та еще с мужем не развелась и на строителей внимания не обращала, но Тайке пообещала разузнать, кто из них еще не обзавелся супругой.

—Девки!—прибежала однажды Ленка.—Что я вам скажу, умрете на месте!

Пока она переодевалась, тарахтела без умолку о том, как познакомилась с бригадиром штукатуров Родиной, что та ей рассказала про мужиков.

—Все гады женаты,—заторопилась она.—Но главное...—Ленка замерла, закатила подвись глаза и выдала,—у них в бригаде есть баба, которая под мужика подделывается! Одежда, как у мужика, стрижка, курит папиросы, не отличить! Живет в общежитии, так другие бабы с ней в душевую бояться вместе ходить. Мало ли что!

—Что?—выдохнули одновременно Тайка и Ольга.

—Изнасиловать может!

—???

—Пальцем!

Девки действительно умерли, но от смеха. Смеялись так, что на колени упали, за животы схватились. Кто в это время в зале был, остолбенел, ложки побросал, двинулся в сторону кухни. А там четыре здоровые бабы катаются от смеха: рожи покраснели, глаза слезятся, икают, задыхаются. Просто сумасшествие какое-то!

Насилу отсмеялись, работать начали, но нет-нет да снова заржут. А Ленка обиделась, что ей не поверили, и до конца смены с ними не разговаривала. Но напрасно они смеялись. На следующий же день Ленка им знак подала, чтобы они посмотрели на посетителей. В очереди с пустым подносом стоял молодой с виду мужик, одетый в рабочую спецовку. Мужик как мужик, ничего примечательного. Но когда девки пригляделись, ахнули! Точно, баба!

Правда, титек нет, повадки мужские, голос с хрипотцой. Но лицо бритвы не видало, и глаза девчачьи!

Почувствовав нездоровое любопытство поварих, посетитель или, правильнее сказать, посетительница ухмыльнулась, цыкнула сквозь зубы. Девки смутились, разбежались по местам, засуетились. Тайка покраснела, опустила голову, когда пришлось подавать странной женщине котлеты. Та, не торопясь, протянула руку и прежде чем взять тарелку, легко провела пальцами по тыльной стороне ладони Тайки. Девушка ощутила шероховатость кожи и сильное тепло пальцев посетительницы, задрожала как в ознобе и, не желая того, подняла глаза. Маскирующаяся под мужика женщина, прищурившись, смотрела на неё, словно прикидывала, можно ли с ней иметь дело. Этот взгляд испугал Тайку, и она убежала за жарочный шкаф, где простояла, наверное, полчаса, пока, по её расчетам посетительница не пообедала.

С того дня Тайка Панова, как увидит странную женщину, просит кого-нибудь на раздачу встать, а сама прячется.

Дом сдали, строителей перебросили на другой объект, а в столовой депо еще долго обсуждали женщину-мужика, гадали, что заставило в общем-то симпатичную женщину добровольно превратиться в противоположный пол.

Кстати, в этих обсуждениях принимала участие и Василиса Алексеевна. Да еще с каким пылом! Всё плевалась, головой качала! А сама значит...

Мысли Тайки начали путаться. Она, правда, еще успела подумать о том, что Васька даже больше походит на мужика, чем та женщина-строитель, и провалилась в сон.

Очнулась она от тихого голоса, открыла глаза.

Утро. Свежий воздух проникает в палату через узкую форточку, шевелит легкую занавеску. Перед ней в белой сорочке стоит давешняя соседка по палате, что выслушала её исповедь и пообещала на картах погадать. Женщина стоит спиной к свету, поэтому Тайка лица её не видит. Зато хорошо видит в ее руках карты.

—Несчастливая твоя судьба, Таисия Панова. Так карты говорят. Много в ней грязи и страданий. И детям достанется. Одна польза от тебя будет, что сбережешь нечаянный цветок, не дашь ему захиреть. От того цветка тебе радость будет. Правда, на том свете.

Сказала и исчезла, а Тайка снова в сон провалилась. Проснулась она поздно. В палате было необычно тихо, никто не стонал, не охал, не разговаривал, не шелестел газетами и не брэнчал банками с едой. Тайка удивленно приподнялась, оглядела палату. Все как обычно, вот только на соседней кровати матрас рулоном свернут, и на тумбочке чисто. У других на тумбочках чего только нет: фрукты, банки с компотами, очки для чтения, мусор разный. А на этой ничего.

—А где...—начала Тайка и испуганно замолкла. Поняла.

Начался обход. Врач о чем-то спрашивал Тайку, а та непонимающе тарасилась на него, кивала невпопад. Наконец не выдержала, заплакала.

Врач успокаивающе похлопал её по плечу, наказал медсестре сделать ей укол и, стараясь не смотреть на пустую кровать, торопливо вышел из палаты. Только после этого соседки зашевелились, начали переговариваться. Вошла медсестра со шприцем.

—Скажите,—остановила её Тайка,—а когда она умерла?

—Ночью, часа в два,—ответила та.

Это значит, думала Тайка, я разговаривала не с живой соседкой. Ведь привиделась она мне, когда рассвело. И говорила непонятное. Про какой-то цветок... Несчастливая судьба.

Тайка схватилась за сердце.

Она лежала тихая, раздавленная пророчеством покойницы, и ощущала свое большое неуклюжее тело, от которого исходил резкий запах пота и больничной еды.

Значит, ей нечего ждать от жизни. Так зачем врачи тратят на неё лекарства и время? Дали бы ей умереть.

Тайка повернулась на левый бок, стараясь всей тяжестью придавить больное, несчастное сердце, чтобы оно, наконец, перестало трепыхаться и страдать. В этот момент она пожалела, что не весит килограммов двести, а то и триста. Уж такую тяжесть сердце бы точно не выдержало и лопнуло, как пережатый шарик.

xxx

Первой, кого встретила Тайка, выйдя из больницы, была Василиса Алексеевна. Старшая повариха с желтым следом от синяка во весь правый глаз заохала, запричитала, засморкалась в передник.

—А похудела ты как, Таюшка,—качала головой Васька.—А глаза-то провалились...

—Не верь ей, Тайка,—обняла подружку Ольга Каблукова.—Выглядишь ты замечательно, я бы даже сказала, значительно.—Она отстранилась, пытливо глянула в лицо.—Уж не влюбилась ли ты часом?

Тая улыбнулась и пошла за шкаф, где они обычно переодевались. Из сумки вытащила выстиранный и отглаженный матерью халат, натянула тапки и встала к разделочному столу. Говорить не хотелось, слушать болтовню девчонок было неинтересно. Руки Тайки ловко управлялись с мясом, а мысли были далеко. В голове, не переставая, звучал голос покойной соседки по палате, а каждое её слово болью высекалось в мозг.

К концу смены девчата с недоумением смотрели на Таисию, перемаргивались, пожимали плечами.

—Ты новую квартиру свою видала?—поинтересовалась Каблукова.—Может, тебе помощь нужна... ну там помыть, почистить после прежних жильцов. Ты только скажи.

—Правда, Тайка,—поддержала Ленка Доскина,—ты не стесняйся. Мы вон в выходной соберемся все вместе да и придем...

—Спасибо, девчата, не надо,—тихо отказалась Таисия.—Отец уж обо всем побеспокоился.

—Ну, смотри, подруга,—не унималась Ленка,—если что понадобится, скажи. Я тут в магазине такие обои видела, закачаешься. Тут полосы золотые, а в них сиреневые цветы и золотые же лепестки...

Но её никто не слушал. Все устали и спешили по домам. Разобрали сумки, заперли двери и двинулись каждый в свою сторону.

Таисия медленно переставляла ноги. Старалась дышать правильно, как учили в больнице. За спиной слышались торопливые шаги.

—Тая, стой!

Василиса Алексеевна догнала её, подхватила под руку.

—Я так переживала,—тихо начала она.—Из-за меня все это...—не то спросила, не то утвердила Васька.

—Не выдумывай,—Тайка освободилась от руки старшей поварихи.—Выпила я тогда лишнего, вот и скрутило меня.

—Ты понимаешь,—не отставала Васька,—я тогда перебрала, вот мне черт знает, что и пригрезилось,—лицо женщины пошло пятнами.—Со сна я тебя за мужа своего приняла, понимаешь?

—Да-да, понимаю,—девушке был неприятен этот разговор, хотелось избавиться от прожогатой.—Вы меня простите, что я вам в глаз...

Васька вскинула руку к лицу.

—Да что ты! Это меня муж за то, что ночевать домой не пришла. И не думай даже...

—Хорошо, не буду.

Тайка остановилась на углу, возле булочной.

—До свидания Василиса Алексеевна. Пойду я.

Избавившись от Васьки, Таисия зашла в булочную, купила докторскую булку. Врач велел сесть на диету, но она не верила в то, что можно избавиться от десятков килограммов. Тем более что физические нагрузки ей запрещены. Можно только шагом и не более двух часов в день.

Тайка улыбнулась, подумав о том, сколько километров она накручивает на жаркой кухне, какие баки поднимает и снимает с плиты, как ей приходится орудовать тяжеленным ножом и железным молотком для отбивных. Её труд можно сравнить с трудом шахтера, только таких толстых шахтеров не бывает. Неужели нет никакого способа избавиться от этого мяса и сала, мучающих её с малолетства? Она на любой согласилась бы, Господи!

Правду люди говорят, что торопливые, необдуманные просьбы до Господа быстрее доходят и быстрее им исполняются. Может, тогда и началось исполнение пророчества покойной соседки по больничной палате?

Деповских, что каждый день в столовую приходят, поварихи знают не только в лицо. Кто и как живет, чем занимается после работы, чья жена изменяет, а кого теща донимает—все доподлинно известно девочкам. Поэтому, когда в столовой появилось новое лицо, они тут же постарались разузнать о нем все. Как всегда больше всех постаралась Ленка Доскина.

—Зовут Славкой Кукиным,—рассказывала она, усевшись рядом со всеми над ведрами с картошкой.—Зек, отсидел восемь лет. Первый раз за хулиганство, а второй за драку с поножовщиной. Поселился в общежитии, у Петровича в бригаде слесарит. Двадцать девять лет, не женат.

Поварихи ловко спускали кожуру с картошки, торопились быстрее закончить и по домам, потому в подробные расспросы не ударились. Завтра будет время все обсудить. И только Тае очень хотелось вывести всю подноготную нового слесаря. Вчера она впервые увидела Кукина, а сегодня он заговорил с нею. Девушка подумала, что не произвела на него впечатления, потому что от первого же его слова замерла колодой и только хлопала коровьими ресницами да тупо кивала на каждое его слово. Она и разглядеть его толком не смогла. Помнит только, что на руке, которой он тарелку брал, на верхних фалангах синело: «Слава», а когда взглянула на него, то в глаза бросились железные зубы с левой стороны сверху. С правой-то стороны зубы как на подбор ровные да белые, а слева—железная броня.

Сидя сейчас в подсобке, Тайка не могла вспомнить, о чем он её спросил, и поэтому ругала себя последними словами. Училась бы у Ленки, которая за словом в карман не полезет, любому мужику голову задурит, несмотря на то, что сама из себя не видная. Зато на язык бойкая. А она, Тайка, не имеет опыта запросто общаться с мужчинами.

Нож с хрустом вошел в картошку, вильнул в сторону и чиркнул по пальцу. Девушка про себя ругнулась, в сердцах окунула порезанный палец в ведро с картошкой и исподлобья глянула в сторону Ленки Доскиной. Если сейчас не заинтересовать нового слесаря, так на своей жизни может поставить крест, потому что эта проныра, как пить дать, окрутит новенького. Не зря же она сегодня причипурилась, словно на свидание: платочек на шею повязала, халат укоротила дальше некуда, а уж лицо намазала! Уведет, уведет Славку!

Наконец картошка почищена, поварихи засобирались по домам.

—Тай, ты идешь?—позвала Ольга.

—Не жди,—отрывисто бросила её Тайка и пошла к своему столу, где на специальной подставке стояли у неё разделочные ножи. Она собрала их, обернула толстой коричневой бумагой и сунула в сумку поверх кастрюльки с котлетами и вермишелью. Ножи Таисия доверяла точить только отцу, который был мастером в этом деле. Все соседи несли к ним ножи, ножницы, топоры и пилы.

Тайка шла домой, а в глазах стоял Славка Кукин. Он, конечно, сильно отличался от других деповских парней и мужиков как внешностью, так и повадками. Был он смуглым от природы, чернявым, худым и жилистым. Лицо у Славки было узкое, нос с горбинкой, большой рот с узкими, но ярко-красными губами. Двигался он по-особому, словно преодолевая вставшие перед ним преграды: плечи ходуном ходили и ноги выписывали сложный рисунок по земле. Говорил Славка вкрадчиво, большими предложениями, вставляя в свою речь непонятные книжные слова. Когда он хотел кому бы то ни было понравиться, то состряпывал на лице такое выражение, что легко обманывал любого. Годы заключения многому его научили, в том числе тому, как определять, кто есть кто. Поэтому Славка в два счета разгадал невестребованную мужской половиной депо Таисию, увидел в её глазах женский голод и тайную мечту о том единственном, который оценит девушку и поведет её в загс.

Для Славки же Таисия была находкой, подарком судьбы. Он был не из тех, кто ищет любви, ухаживает, дарит подарки, а предпочитал другой расклад: позволить женщине любить

себя, ублажать его и дарить ему маленькие и большие жизненные радости. У Кукина был опыт пристраиваться к тоскующим по мужской ласке женщинам, и менять свои запросы он не собирался.

Поэтому напрасно Тайка, понунив голову, брела к дому родителей. Её судьба была предопределена, оставалось только подчиниться. Что и сделала она в ближайшие дни, когда Славка на глазах у всех отозвал её в сторонку и начал убеждать девушку в своей любви «с первого взгляда». Его слова, масляный взгляд и чуть осязаемое поглаживание пальцами пухлого локотка Таисии сделали свое дело. За раздачу девушка вернулась уже невестой Славки Кукина.

Ленка с досады плюнула в картофельное пюре, а потом и вовсе скрылась в подсобке, чтобы хлебнуть из заначенной бутылки, оставшейся после последней вечеринки.

В доме же Пановых стоял переполох. Роман Петрович был категорически против ухажера своей дочери, чутьем распознав в слесаришке бездельника и нахала. Татьяна Васильевна помалкивала, надеясь на благоразумие дочери, а сама ночами перебирала спрятанное в старом сундуке приданное. Но Тайку отговорить от необдуманного шага никто не смог, и через полтора месяца в маленькой квартирке, где стараниями Романа Петровича был наведен полный порядок, игралась свадьба.

После зоны и грязного общежития квартира Тайки показалась Славке раем. Две комнаты и кухонька были вылизаны до стерильности, дровяная печь всегда была раскалена докрасна, в холодильнике не переводились мясные блюда, а в графинчике в серванте—водочка.

Свадьбу сыграли в субботу, в воскресенье гости скромно похмелились, а в понедельник все вышли на работу. За исключением Славки, который устроил для себя медовый месяц. Тайка была не против, тем более что новоиспеченный муж встречал её в разобранной постели, на которой валялся весь день, делая лишь перерывы на завтрак, обед и ужин. Он картинно протягивал к молодой жене руки, звал её «пончиком» и «карамелькой», при этом в его горле что-то булькало и скрипело, и Тайка воспринимала эти звуки за голубиное воркование.

Наконец-то и на её долю досталось то, что делает женщину, как она думала, счастливой. В постели Славка был бесстыдным, изобретательным и совершенно равнодушным к потребностям жены. Главное, чтобы свою похоть удовлетворить. А что чувствует при этом молодая, его не заботило. Когда через две недели после свадьбы Тайка заикнулась о ласках да любовных играх, Кукин рассвирепел, вскинулся, как бешенный, и пошел осыпать Тайку грязными ругательствами за то, что она до него уже «набралась опыта».

—Ну и кто же тебя ласкал, кто с тобой в любовные игры играл?—сипел в лицо мужчина, схватив её за волосы.—Я этому уроду ноги повыдергиваю! Говори, с кем ты...?

Тайка испуганно таращила глаза, от боли и страха её мутило, и она не могла взять в толк, что так рассердило мужа, откуда у него такие подозрения.

Первый скандал был недолгим, но Тайка и думать забыла о том, чтобы упрекать Славку за неласковость с нею. С того памятного дня Кукин стал грубым, придирчивым и всем недовольным. Он безжалостно мям грудь Тайки, бесцеремонно валил её на постель в любой момент, как ему вздумается, ударами колена раздвигая ей ноги. Она сносила все безропотно, хотя иногда задумывалась, для чего ей сдалось это замужество.

Славка не работал, жил за её счет, а когда однажды она попыталась указать ему на недопустимость подобного положения вещей, зверски избил её и пообещал изуродовать, если она станет «доставать его своей душевной простотой».

Задумалась Тайка о разводе, да не тут-то было. Кукин в красках расписал, что с ней будет, если она подаст заявление.

—Ты меня знаешь,—цедил он сквозь зубы, развалившись на стуле за накрытым к ужину столом.—Я два срока отмотал, еще один—не проблема. Я тебя, суку, вначале по дружкам своим пушу, а потом в землю зарю, чтобы ты своим хилом не котлеты жрала, а могильную землю.

Ясно я выразился?—и расхохотался мерзко, а потом взял тарелку с гречневой кашей, политой гуляшом и кинул в лицо жены.

Но это были только цветики. Дальше больше, и житья не стало Таисии. Вся грязь, накопившаяся в Славке за годы заключения и прежней, по-видимому, неблагополучной жизни, хлынула на Тайку и затопила её целиком. Она стала полумойкой и снабженцем для своего мужа, который начал откровенно пить, приводя таких же дружков, которые оставляли после себя разбитую посуду и загаженный пол.

Дом, в котором жили Кукины, удобства имел на улице, но выпивохи не утруждали себя походами к сараю, а справляли нужду то в ведро для мытья пола, а то и вовсе в таз с замоченным бельем. Прежде ухоженная квартирка превратилась в логово пьяницы и дебошира.

Уставшая за смену в столовой, Тайка отмывала квартиру, выслушивая при этом, какая она «дрянь-баба», которая не может «обслужить» мужика. Распалившись своими же попреками, Славка кидался на жену, выкручивал ей руки, щипал и заставлял делать вещи, которым, как справедливо подозревала Таисия, обучился в тюрьме. Ей было тошно, мерзко, но она подчинялась, иначе муж, свирепее, лупил её почем зря то кулаками, а то и вовсе хватал табурет. О спину несчастной Тайки в щепки разлетелись три из четырех кухонных табурета, а Кукин уже вожаделенно поглядывал на ножи.

—Ты сколько будешь терпеть эти издевательства?—возмущались женщины на работе.— Погляди на себя, в кого ты превратилась.

—Почему в милицию не заявишь?—упрекала её Ольга Каблукова.—Я только раз участковому пожаловалась, так мой и притих тут же. Им, если волю дать...

Склонившись над столом, Тая глотала слезы и представляла то, что предрек ей Кукин в случае обращения «в органы». Ей не доставало характера, чтобы противостоять страху перед мужем, ей было стыдно перед людьми и горько оттого, что не послушалась отца, который предостерегал её от поспешного замужества.

—Дочка, поверь, из тюрьмы нормальными не выходят,—убеждал он Таисию.—Погоди, узнаешь, почем фунт лиха. Лучше в девках остаться, чем за такого замуж идти. Ну, ты хоть поживи с ним для начала, не оформляйся.

Но слова отца пропали втуне. Тайка влюбилась, и ухаживания неизвестно откуда взявшегося Славки Кукина, были ей слаще меда. Не знала она тогда, что где мед, там и деготь. Другому ложки хватит, чтобы от бочки меда отказаться, а в её бочке дегтя только ложка меда и была.

Весть о беременности жены Кукин воспринял оригинально. Он вначале внимательно поглядел на её живот, потом потрогал ширинку брюк и заявил:

—Если щенок не в меня пойдет, придушу.

Действительно, родится мальчик. Юрик. Был он таким же смуглым, как Славка, чернявый и вертлявый, не давал спать ночами, а когда мать совала ему грудь, больно прихватывал деснами сосок, выжимая из Таисии слезы. Кукин сыном был доволен, воспитывал его на свой манер, словно растил не мальчика, а цепного кобелька. Отец обожал доводить сынка до слез тумаками, щелчками или зверскими гримасами. Когда мальчонка огрызался, Кукин хватал его за шиворот и выбрасывал в холодный тамбур и наслаждался истошным воем обиженного ребенка.

Соседи удивлялись, что, терпя издевательства, сынок все же больше был привязан к отцу, чем к доброй матери. Мать он изводил капризами, истериками и просто хулиганскими выходками, когда опрокидывал со стола ненавистную ему манную кашу.

Славка все так же не работал, а когда пришло время Таисии выходить из декретного отпуска, наотрез отказался приглядывать за ребенком. Пришлось ей устраивать малыша в ведомственный садик, но там он продержался недолго и сильно заболел. Нянькой стала бабушка, которая внука не любила, а зятя и вовсе ненавидела. Те отвечали ей той же моне-

той: внучок не давал ни минуты покоя, а зять при встречах поносил разными словами, мечтая «сплясать на их могилке».

Года в три Юрик стал оставаться с отцом дома. Он не докучал сильно отцу, возясь тихонько в своем углу с игрушками или колупая штукатурные стены. Любимым занятием мальчика было издеваться над приبلудным котенком. Котенок чувствовал себя спокойно, только когда дома была Таисия, а без неё его подстерегала опасность или быть размазанным по стене пинком вечно угрюмого и мучимого похмельем хозяина дома, или замученным цепкими ручонками мальчика, который неоднократно пробовал сжать тонкую шейку котенка сильными не по годам пальцами или отделить хвост от туловища. Котенку, если он не успевал выскочить в дверь следом за хозяйкой, приходилось весь день прятаться в темном углу за шкафом. Но Юрик был хитрым, выманивал котенка ласковым «кис-кис» или кусочком колбаски, а потом терзал и мучил его, слушая душераздирающее мяуканье бедного животного.

—Ты чего его мучаешь?—заплетающимся языком спрашивал отец.—Оторви ему башку да в ведро кинь.

Поощряемый отцом, мальчонка пытался сделать задуманное, но каждый раз котенку чудом удавалось избежать смерти.

Однажды Таисия застала сына за подобным занятием, молча отобрала котенка, дала сыну подзатыльник и отправилась к соседке, попросив ту пристроить животное в добрые руки.

—Эх, Таисия, Таисия!—запричитала соседка.—Что за жизнь у тебя такая? Не жилось тебе в покое, замуж вышла. Вспомни,—заглянула ей в глаза,—какая пышечка ты была, царица просто. А сейчас на кого похожа?

Тайке давно говорили, что она изменилась внешне, но она не придавала этому значения. Но на этот раз соседка подвела её к зеркалу. Застиранное темно-сиреневое шерстяное платье с белым воротником, прежде внатяг сидевшее на Таисии, сейчас болталось на ней как вещь с чужого плеча. Исчез двойной подбородок, опали груди.

—У тебя, помнится, пятьдесят восьмой размер был, а сейчас,—почесала переносицу женщина, осматривая Тайку,—самое большое пятидесятый, да и то вряд ли. Если так дальше пойдет, так скоро от тебя кости да кожа останутся. Подумай, девонька, хорошенько. На черта он тебе сдался, пьяница и бездельник. Гони ты его в шею!

Но Тайка не гнала, боялась. А потом и вовсе отупела от беспросветности своей жизни, ничего не стала чувствовать, перестала думать, противиться. Она по инерции ходила на работу, приводила квартиру в порядок после очередного сборища дружков мужа, стирала, утюжила, пришивала пуговицы, делала какие-то покупки. Юрик по-прежнему оставался дома с отцом, а тот и не возмущался больше. Часто, приходя со смены домой, Таисия заставляла мужа и сына крепко спящими. Она тогда поворачивалась и потихоньку закрывала дверь, уходя к родителям.

Супруги Пановы за время замужества единственной дочери сильно постарели, постоянно болели, места себе не находили от беспокойства. Дочь, как могла, успокаивала родителей, старательно скрывала синяки на теле, приносила им что-нибудь вкусненькое и развлекала рассказами, услышанными от других поварих. Родители очень жалели Тайку, кляли себя, что не отговорили от замужества, винили себя во всех несчастьях.

Нормой стало для Пановых поздно ложиться спать, всякий вечер ожидая, что Таисия прибежит к ним, спасаясь от крепких кулаков мужа. Однажды зимой в одной сорочке приползла, избитая, истерзанная. На утро Роман Петрович пошел поговорить с зятем, но только драка у них вышла. Хорошо, что под руку отцу топор попался, что лежал под лавкой возле печки, не то бывший зек покалечил бы пожилого человека. Панов хотел в милицию заявить, да дочь отговорила. Отец, крепя сердце, согласился, но предупредил, что если Славка на порог к ним явится, убьет. А там пусть в тюрьму сажают, зато будет знать, что одним злодеем на свете меньше стало.

Время шло, жизнь Таисии, если и менялась, только в худшую сторону. Кукин пил и безобразничал, таскал вещи из дома, крал у жены деньги из кошелька. Они уже давно не спали вместе, потому что Славка в одночасье потерял мужскую силу. Но виновной в этом, по его мнению, была все та же Тайка.

—Что ты за уродка такая, что у мужика на тебя не стоит?—донимал он её злыми упреками.—Я до тебя кем был, помнишь? Жеребцом! Это ты, квашня, меня испортила...

—Так уйди, чего прилип,—отвечала Таисия.—Баб полно, любую выбирай.

—Вон ты как заговорила, сука!—ярился Кукин.—Меня высосала, а теперь выкинуть хочешь, как вещь ненужную?! Другой на примете? Ах, ты, коровища!

Славка налетал на жену, изо всей силы бил её кулаком в лицо, под дых, по печени. Тайка выставляла вперед руки, защищая голову, толкала его в грудь и, не дожидаясь пока он поднимется, убегала в другую комнату, закрывалась на железную задвижку. Дверь была крепкая, как ни пытался Славка её выломать, ничего не выходило. Не совладав с дверью, Кукин крушил все, что попадалось под руку, безобразно матерился и выкрикивал угрозы в адрес жены.

Тайка ложилась ничком на диван, закрывала голову подушкой и так лежала часами, без мыслей, без слез, без чувств. Правда, иногда ей приходило в голову покончить с опротивевшей жизнью, удавиться или броситься под поезд. Но она вспоминала слова покойной соседки по больничной палате о «нечаянном цветке» и радости на том свете. Поэтому вставала, шла и прибирала раскиданные вещи, сметала в ведро разбитые чашки и стаканы, выгоняла полотенцем через форточку клубы табачного дыма, кормила Юрика и укладывала его спать.

Муж храпел, развалившись на кровати, которая давно уже ничем не напоминала супружеского ложа. Теперь матрас покрывали толстые темноватые простыни из посылочного материала, на подушку она натягивала немаркую сатиновую наволочку. Кукин заваливался на постель в одежде, часто в ботинках, поэтому перину и три пуховых подушки Таисия давно перетасила на свой диван, запрещая мужу даже заходить в её комнату.

Так проходили годы, сбывалось предсказание.

Юрику предстояло идти в первый класс, но, собирая положенные справки в поликлинике, Таисия с ужасом узнала, что её семилетний сын—алкоголик!

—Таисия Романовна, как же так?—беседовала с нею участковый педиатр.—Неужели вы ничего не замечали?

Тайка смотрела на пожилую врачиху и потела от стыда. Дети-алкоголики рождались, как правило, от матерей-алкоголичек. Но ведь Тайка не пила! Если, конечно, не считать тех соберушек в столовой, когда они с девочками выпивали по две-три рюмочки. Единственный раз она напилась, когда квартиру ей дали. Но ведь сколько времени прошло! Да и когда она рожала, никто ничего ей такого не говорил. Откуда же?

Уже потом, когда она, понурившись, шла с Юриком домой, всплыли в памяти картины: вот она приходит с работы, а муж и сын спят, да как крепко. Вот в выходной она стирает, а мужу наказала последить за ребенком, а когда пришла, увидела, что Юрик крепко спит. Вот мальчик просыпается и сразу начинает капризничать, извивается у неё в руках. Входит недовольный Славка, бурчит, что мамаша, то есть она, не может унять сына, берет того на руки и уносит к себе, а через несколько минут Юрик довольный и активный носится по квартире, швыряет направо, налево игрушки, подпрыгивает в такт музыке из радиоприемника.

Это что же выходит, Славка поил ребенка вином, чтобы тот не мешал ему, не досаждал криками? Ребенок спит в пьяном угаре, а отец развлекается без помех со своими друзьями? А проснется сынок, ему опять дадут глотнуть отравы, он опять в отключке... Теперь понятно, откуда такая неуравновешенность в характере мальчика, когда в течение нескольких минут он переходил от спокойного состояния к ярости, от ярости к плачу, от плача к ступору. Вот откуда ежедневные капризы по утрам. Да у него просто было похмелье!

Она уходила на работу, а Кукин давал очередную дозу мальчику и мог весь день не беспокоиться. Точно, так и было! Ах, ты ж сволочь! Ты ж уголовная рожа! Убить тебя мало!

Таисия уже не шла, а летела на всех парусах к дому, таща за руку задыхающегося от быстрой ходьбы Юрика. Дома её встретила привычная картина: незнакомый волосатый бугай сидит за столом и грязными пальцами вытаскивает из трехлитровой банки маринованные помидоры, Кукин в обоссанных штанах и с расстегнутой ширинкой раскорячился на постели, закинув одну руку под голову, а во второй держа зажженную папиросу. Еще одно подобие человека скрючилось под столом, всхлипывая и подвывая во сне.

Не помня себя, Таисия схватила топор и пошла напрямик на бугая, который только-только успел засунуть в рот большой красный помидор. Разглядев перед собой разъяренную женщину с топором, бугай ринулся к двери, но на полпути запутался в половике и так треснулся об косяк, что весь дом заходил ходуном. Зажатый в зубах помидор лопнул и брызнул на стену. По-видимому, здоровяк решил, что женщина достала его топором по голове, а жидкость на стене—его кровь. Красные брызги помидорного сока так испугали пьяного, что тот схватился за затылок, дико закричал и вывалился в тамбур, а оттуда на улицу, где еще раз грохнулся, споткнувшись о соседский велосипед.

Женщина не стала догонять бугая, а перевела взгляд под стол. Но удивительное дело! Только минуту назад там храпело человекоподобное существо, а сейчас, кроме окурков, плевком и давленной картошки, там ничего и никого не было. Тайка изумленно осмотрела комнату: никого постороннего. Тем лучше, решила она, и тяжело двинулась в сторону спящего мужа.

—Мамка!!!—закричал Юрик, повиснув на руке, которая сжимала топор.—Мамка!!!

Таисия повернула голову и как кутенка стряхнула мальчика. Всего несколько секунд потребовалось на это, но именно они спасли жизнь Кукину, который от крика очнулся, моментально оценил обстановку и ужом скользнул с постели. Женщина занесла топор над головой и изо всех сил опустила на то место, где мгновение назад покоилась голова ненавистного мужа. Топор спружинил, резко отдал назад и так треснул Таисию по губам, что она вмиг потеряла сознание и кулем свалилась на пол.

Испуганный Славка вжался в промежуток между сервантом и тумбочкой, на которой стоял старенький «Рекорд» и замер там, прикрыв на всякий случай голову руками. В наступившей тишине слышались лишь всхлипы плачущего Юрика. Через минуту из-под кровати выполз мужичонка, глянул на распластанную тут же Таисию, чье лицо заливала кровь, на смертельно испуганного собутыльника Славку и, не вставая в полный рост, гусиным шагом двинулся к двери. На пороге он еще раз обернулся, задохнулся от ужасного зрелища и выкатился вон, предоставляя жильцам квартиры самим расхлебывать заваренную кашу.

Только на следующий день Таисия пришла в себя в больничной палате и узнала, что её мужа арестовали по подозрению в попытке убийства. Говорить она не могла из-за того, что лицо было забинтовано. Дежурившая возле неё медсестра сообщила, что ударом топора у Тайки рассечена верхняя губа, выбиты передние зубы, раскрыта десна.

Но на третий день Таисия попросила у медсестры лист бумаги и ручку и написала, как на самом деле все произошло. Тем самым снимались все обвинения против Славки. Пришедшая проведать дочь Татьяна Васильевна обвинила её в глупости:

—Прикрываешь его? За все, что он сотворил, ты еще его жалеешь? От тюрьмы спасешь?—злые слезы катились по лицу пожилой женщины.—А ему там самое место! Неужто не нажилась в этом аду? Хоть бы ребенка пожалела!

Таисия вспомнила про Юрку. Жалеть раньше надо было, пока сын в алкоголика не превратился. Что теперь с ним будет? В нормальную школу его не возьмут, потому что по развитию он отстаёт от сверстников, а в интернат отдать при живой матери...

А вышедший из-под стражи Славка на радостях упился до зеленых чертей и пошел выяснять отношения с родней жены. Что там произошло на самом деле, никто не узнал, но прие-

хавшая по вызову соседей, которые слышали дикие крики из дома Пановых, милиция обнаружила Славку с ружьем в руках. Он пальнул в потолок, по окну, по серым мундирам, потом стал орудовать ружьем, как дубинкой, круша мебель и зеркала. Остановил его зубодробительный удар одного из милиционеров.

Кукина забрали, а вскоре суд приговорил его к восьми годам лишения свободы. На суде Славка заливался слезами, клялся, что «больше так не будет», бил себя в грудь и умолял родителей жены простить его. Таисия сидела в зале и платком прикрывала пока еще забинтованную челюсть. Она не верила своему счастью! Кукин исчезнет из её жизни, не будет больше пьянок, блевотины, вонючих дружков, не будет драк, угроз, издевательств. Будет тишина и покой, и никаких мужиков рядом. Спасибо, нажилась на всю жизнь.

Даже выбитые зубы не казались ей большой трагедией. Про себя она шутила, что меньше есть будет, а значит, еще похудеет. Хотя худеть Таисии было уже некуда. Семь лет замужества хорошенько порастрясли её килограммы, и теперь она ничем не отличалась, например, от той же Ольги Каблуковой, в которой и было-то килограммов семьдесят, не больше.

xxx

Юрика пришлось отправить в специальную школу-интернат, которая находилась в шестидесяти километрах от дома. Каждый выходной Таисия, набив сумку вкусеньким, пускалась в неблизкое путешествие, чтобы повидаться с сыном. Юрик встречал мать радостно, ловко обшаривал сумку и запихивал в рот шоколадные конфеты, яблоки, сладкие творожные сырки. Он рассказывал ей о тех, с кем дружит, о добрых и злых воспитателях и учителях, просил привезти то игрушечный пистолет, то перочинный ножик.

Юрик все больше походил на отца. Старший воспитатель постоянно жаловался Таисии на поведение сына, просил «воздействовать». Она беспомощно разводила руками, старалась поменьше говорить, потому что стеснялась огромной дыры в верхней челюсти.

Губа у неё давно уже поджила, а заметный шрам, идущий наискосок от правого уголка рта к левой ноздре, нисколько не уродовал симпатичное лицо Таисии. Но стоило ей заговорить, как люди отводили взгляд, неприятно пораженные отсутствием четырех передних зубов.

Родители убеждали Таисию вставить золотые зубы и предлагали денег. Но она понимала, что вставные металлические зубы сильно состарят её, да и не видела она особой красоты в сиянии золота во рту. Другое дело фарфоровые зубы, которые выглядят как настоящие и даже лучше. Но нужно было найти того, кто возьмется сделать такие. Настоящих умельцев было мало, и не секрет, что многие мучались со вставными зубами, месяцами привыкали к ним, набивая кровавые мозоли. Девчата с работы пообещали разузнать, к кому следует обратиться, да чтобы недорого взял за свою работу. Многие-то на дому зубы делали.

Но Таисии вдруг повезло. Однажды она возвращалась от сына в переполненном автобусе, бездумно глядела в окно на заснеженные поля, вечно зеленые лесопосадки, состоящие в основном из елей, на маленькие, замеченные под самые крыши дачные домики. Где-то на середине маршрута, как раз напротив дачного поселка, в автобус вошел мужчина средних лет, с тяжелым рюкзаком за плечами. По звуку, донесшемуся до Таисии, можно было уверенно сказать, что в рюкзаке банки.

—У нас на даче погреб хороший,—начал оправдываться мужчина, когда ближайшие пассажиры разом посмотрели в его сторону, привлеченные звоном стекла.—Мы там соленья-варенья храним, картошечку. Вот перед праздником и поехал, чтобы к новогоднему столу и свои грибочки были, и свои огурчики-помидорчики. Обычно я на своем «Москвиче», да тут карбюратор забарахлил, вот и пришлось...

Пассажиры, удовлетворенные услышанным, потеряли всякий интерес к новому попутчику, и только Таисия, сама не зная почему, все смотрела на него.

—Давид Михеевич,—ни с того, ни с сего представился пассажир с рюкзаком и протянул ей ладонь. Опешившая Таисия протянула свою и проговорила:

—Таисия Романовна.

Понятно, что верхняя губа её тут же приподнялась и обнаружила отсутствие зубов. В глазах Давида Михеевича блеснул огонек. Он, не выпуская руки женщины, пристально вгляделся в её лицо, отметил и шрам на губе, и вмиг покрасневшее лицо попутчицы, и все её удивительно симпатичное лицо.

—Прошу прощения за навязчивость,—наклонился он к ней,—но мною движет не простое любопытство, а чисто профессиональный интерес. Это,—он дотронулся до своей верхней губы, покрытой редкими кустиками рыжеватых волос,—травма, несчастный случай?

Таисия кивнула.

—Как давно?

—Полгода уже.

—Прекрасно!—улыбнулся Давид Михеевич, но тут же поправился.—Я хотел сказать, прекрасно, что уже прошло полгода. Значит, ткани зажили и не доставляют беспокойства?

Женщина снова кивнула. Мужчина полез во внутренний карман своего пальто, достал ручку, блокнот, вырвал оттуда листок и, сопротивляясь неровному ходу автобуса, что-то там написал. Листок протянул Таисии.

—Без стеснения, уважаемая Таисия Романовна, без стеснения. Буду только раз помочь очаровательной женщине.

Таисия покраснела, отвернулась в смущении к окну, но потом решила прочитать, что написал разговорчивый попутчик. Автобус подскакивал на замерзших кочках, раскачивался из стороны в сторону, да еще рука дрожала от волнения. Но все же она сумела разобрать кривые буквы: «Канцлер Давид Михеевич. Зубной техник».

Она прочитала написанное несколько раз, пока осмелилась взглянуть на попутчика. Подняв глаза, она увидела, что тот лукаво улыбается ей.

—Вот, поди ж, ты, какой фамилией меня родители наградили,—проговорил он и подмигнул левым глазом.

Таисия в ответ тоже улыбнулась и поняла, что этот незнакомый человек ей нравится. Конечно, не было в нем той красоты, что бросает женщин к ногам мужчины, заставляет терять голову и страстно мечтать о близости. Канцлер был невысок ростом, худощав, из-под ондатровой шапки выбивались курчавые рыжеватые волосы. Круглые навывкате глаза, густые брови и большие толстые губы выдавали его еврейское происхождение. Он был выбрит до синевы и распространял запах одеколона, пальто когда-то сшитое на заказ, требовало ухода и заботы: верхняя пуговица отсутствовала, а следующая держалась на ниточке. Но шею обхватывал белый дорогой мохеровый шарф, а из кармана торчали кожаные перчатки.

Но в каждом движении лица, в каждом слове и взгляде Давида Михеевича сквозили доброта, понимание и сочувствие к ближнему. Таисии вдруг захотелось, чтобы автобус как можно дольше ехал между заснеженными полями, мимо елок, мимо дачных поселков, и чтобы её неожиданный знакомый смотрел на неё своими черными глазами с голубоватыми белками, улыбался красным ртом и говорил о чем угодно, лишь бы слышать, как он слегка картавит и растягивает некоторые буквы.

Но автобус прибыл по расписанию.

—Без стеснения!—крикнул ей напоследок Давид Михеевич и, перебросив через плечо рюкзак, заспешил к стоянке такси. Таисия двинулась к автобусной остановке и через час была дома.

Квартира встретила её тишиной. Впервые за последние годы женщина внимательно осмотрелась. Старые, вылинявшие обои, старая, побитая супругом мебель, затертые половики, требующие покраски потолки и полы. Где её мечты об уютном гнездышке, о праздничных запахах ванили и корицы, о музыке? В какой дали остались? Неужели ей так и доживать в этой убогой квартире и ждать возвращения Славки?

Таисия выпрямилась, сжала кулаки и погрозила неизвестно кому. Потом начала лихорадочно двигать мебель, складывать вещи, вытаскивать остатки посуды из серванта. Ей нужно срочно все изменить, обновить, стереть память о годах с Кукиным. Был Кукин, и не стало его! Поэтому прочь все, к чему прикасались его лапы! Она бы и кожу с себя содрала, если бы можно было. С этим она после разберется, а сейчас она должна избавиться от малейшего воспоминания о своем несчастном замужестве.

Новогодние праздники Таисия провела за ремонтом квартиры. Во двор дома она вытаскивала мебель и начала топором рубить её на дрова. Соседи вначале не поняли, что с ней, принялись успокаивать и вырывать из рук топор, но Тайка засмеялась им в лицо и объявила, что в новом году она собирается жить с новой мебелью.

—Василий Дмитриевич!—позвала она соседа.—Помог бы одинокой женщине! Что ж мне до ночи топором махать?

От уничтожения удалось спастись лишь холодильнику да дровяной печке, а кучей разрушенной мебели в новогоднюю ночь топились не только квартира Таисии, но и три соседние. О наступившем новом годе женщина узнала из репродуктора на стене в кухне, где она, уставшая, но довольная ела пирожки с капустой, запивая их малиновым киселем.

Понадобилась неделя и помощь девчат с работы, чтобы квартирка Таисии преобразилась. Скопленные ею деньги да помощь родителей позволили ей купить в кредит необходимую мебель, а Рождество хозяйка отмечала в кругу тех, кто поддержал её в стремлении начать все сначала.

Вот что значит нечаянная, но такая важная встреча в обычном автобусе, на обычном маршруте!

xxx

Таисия долго не решалась позвонить Давиду Михеевичу. Вначале она убедила себя, что ей нечего надеть и начала кружить по магазинам в поисках приличного платья или костюма.

—Не майся понапрасну,—остановила её Клавдия Егоровна, когда узнала, на что та тратит свободное время.—В магазинах ты ничего доброго не подберешь для себя. Иди-ка ты, девонька, в ателье. Там и материал получше, а мастерицы есть.

—А может, Клавдия Егоровна...

—И-и-и-и, надумала!—остановила её женщина.—Для твоего случая не мои руки нужны.—Она встала, порылась в верхнем ящике комода.—Запиши: Зинаида Симакова. Она в ателье на Рождественской работает. Скажи, что, мол, Клавдия Егоровна просит. Не откажет, хотя шьет только женам начальников. Ну и само собой, берет не по расценкам.

—Да это не проблема,—понимающе закивала Таисия.

—Знаю, да только предупредить не грех. Скажешь ей, чтоб без экономии. Она поймет.

—Спасибо тебе, Клавдия Егоровна,—имя закройщицы Тайка не стала записывать. Оно у неё моментально в мозгу отпечаталось.

Узнав, в какую смену работает Симакова, Таисия отправилась к закройщице. Ждать, пока та обговорит заказ с предыдущей клиенткой, пришлось больше часу. Таисия впервые попала в ателье и этот час потратила на разглядывание внутренней обстановки приемного зала, маленьких полированных столиков с глянцевыми журналами мод, диванов вдоль стены, кабинок, занавешенных плотным серебристым материалом. В кабинки заходили элегантные женщины, а потом туда же приносили сметанные платья, жакеты, блузки. Закройщицы, все как на подбор стройные, подвижные, с аккуратными прическами входили в кабинки и подолгу обсуждали с клиентками все мелочи будущего портняжного шедевра.

Дошла очередь и до Таисии. К ней подошла миловидная женщина примерно её возраста в платье без рукавов и с приколотой на левой груди подушечкой с множеством иголок. После обмера, цифры которого закройщица вписала в маленький блокнот, Таисия в изумлении уставилась на Симакову.

—Ч-ч-что вы сказали?

—Я говорю, что у вас полный сорок восьмой размер,—подняла аккуратно выщипанные бровки закройщица.—А что, вы поправились?

Таисия отрицательно помотала головой. А Симакова выжидательно смотрела на странную клиентку, пытаясь добиться от неё, какой фасон она выберет.

—Я не знаю,—залилась краской Таисия.—Посоветуйте.

—Ну-у-у,—вильнула в сторону глазами Симакова,—мне трудно угадать, что именно вам понравится. А потом один фасон требует меньше времени и усилий, другой...

—А вы мне без экономии сделайте,—вспомнила Таисия наказ соседки.—Вам виднее, что мне пойдет.

Симакова внимательно глянула на клиентку, что-то черкнула в блокнот и на всякий случай спросила:

—А как же расценки?

Таисия сделала такой жест рукой, который однозначно говорил, что денежный вопрос её мало интересует. Закройщица заговорщески подмигнула ей, поправила на шее сантиметровую ленту.

—На примерку приходите через неделю, не раньше.

Таисия летела из ателье на крыльях. Во-первых, она никак не могла поверить, что у неё сорок восьмой размер! И это с пятьдесят восьмого!!! Хотя какая-то польза от Славки. Это его стараниями она приобрела вполне стройную фигуру.

Во-вторых, у неё появится шикарное (она была уверена в этом) платье, в котором она и предстанет перед Давидом Михеевичем. А когда у неё будут новые зубы, можно подумать и о личной жизни. Она еще не старая, чтобы ставить на себе крест. Может, и ей жизнь улыбнется.

Недели в ожидании нового платья пролетели незаметно. Правда, перед первой примеркой ей пришлось попотеть, отыскивая приличное белье. Не могла же она, в самом деле, предстать перед закройщицей в вязаной сорочке и лифчике на трех пуговицах?

Спасибо Ленке Доскиной, что свела её со спекулянткой, которая за белую с кружевом комбинацию, бюстгальтер на косточках и плавки без резинки потребовала целую, считай, зарплату. Зато на примерке Таисия чувствовала себя, по крайней мере, одной из тех женщин, которые являются постоянными клиентками ателье.

За пошив платья ушла еще одна зарплата поварахи, но Таисия и секунды не пожалела денег, когда примерила готовое изделие. В огромном зеркале она увидела стройную женщину с пунцовым от смущения и радости лицом. Темно-голубое платье с блестящей атласной отделкой на груди и рукавах удачно сочеталось с темно-русыми волосами и румяным лицом Таисии. Глядя на свое отображение в зеркале, она могла честно сказать о себе: «Красавица».

Зинаида Симакова и та загляделась на клиентку, которая как замерла, засмотревшись на себя, и так простояла четверть часа.

—Вы довольны?—спросила она, хотя и без слов было ясно, что клиентка без ума от работы закройщицы.

Женщина повернулась одним боком, потом другим—придаться не к чему. Если бы Таисия была бы посмелее, она бы непременно расцеловала Зинаиду Симакову, но вместо этого приложила ладонь к груди и прикрыла глаза в восторге. Закройщица еще минуту потопталась возле Таисии, а потом поспешила к другим клиенткам, которые терпеливо ожидали своей очереди.

Прижимая к груди аккуратный пакет с упакованным платьем, Таисии ног не чувала перед собой. Несмотря на усиливающийся к вечеру мороз, она медленно брела по заледеневшему тротуару, улыбалась своим мыслям и ощущала себя, наверное, так же, как Золушка перед балом. Теперь можно звонить Давиду Михеевичу.

Их встреча состоялась в крошечном кабинете поликлиники, можно сказать, в закутке, где едва размещался стол, заваленный ящичками с разными смесями и множеством форм челюстей, два деревянных стула с высокими спинками, обтянутыми дерматином, и хлипкая кушетка, которая представляла собой смесь обеденного и письменного стола.

В белом халате и шапочке, в больших роговых очках Давид Михеевич показался Таисии профессором медицины. Она стояла перед ним в новом платье (пальто сдала в гардероб) и растоптанных зимних сапожках и про себя ужасалась, что посмела прийти к такому человеку, имея в мыслях не только новые зубы, но и... Что? Неужели она пришла на свидание? Один раз в автобусе увидела и сразу прибежала? Хотя, конечно, не сразу, месяц почти прошел, но это не имеет никакого значения.

А Давид Канцлер смотрел на молодую женщину и не мог поверить, что вот эта красавица в элегантном платье смотрит на него такими глазами, какими на него никто и никогда не смотрел. За такой взгляд можно многим пожертвовать. Хотя что он, обремененный годами и большим семейством мужчина, может предложить ей? Чертова жизнь! Чертова жизнь!

Много, много лет назад Давид Канцлер мечтал о такой встрече, о таких глазах, которые обещают все мыслимые земные радости. Но на голодного еврейского паренька девушки обращали внимания меньше, чем на дворового пса. Кому нужен тощий, с рыжими неухоженными волосами, длинным носом и тонкой гусиной шеей ухажер без копейки денег в кармане?

Его счастье, что ему удалось попасть на курсы зубных техников, но работа в районной поликлинике не давала особых доходов, а ловчить, как другие, он не умел. Это на работе он выглядел более или менее прилично: белые штаны, белый халат и шапочка, легкие мокасины. Вне работы Давид носил брюки и костюмы, которые ему перешивала его тетка из оставшегося после её мужа барахла. Но чтобы пригласить девушку в кино или кафе в такой одежде, и думать было нечего. Канцлер пытался ухаживать за молоденькими медсестрами, но те хорошо знали материальное положение каждого работника поликлиники и ограничивались смешками на робкие предложения зубного техника.

Женился Давид тоже благодаря тетке, у которой были обширные знакомства среди еврейских семейств. Мара была перерезрелой девушкой, меланхоличной и ленивой. За год после женитьбы их двухкомнатная кооперативная квартира, подаренная её отцом, приобрела такой запущенный вид, что Давид постеснялся кого бы то ни было пригласить в гости. Хотя и приглашать ему было некого: друзьями он не обзавелся, родственники со стороны жены редко звонили, не то что заходили, а его единственная родственница—тетка по матери, придя однажды навестить молодых, только руками всплескивала да головой качала. За два часа она кое-как сумела навести порядок на кухне, а, прощаясь с племянником, посоветовала взять все в свои руки.

К тому времени Давиду надоела грязь в комнатах, гора грязной посуды в раковине и полчища рыжих непуганых тараканов. Смирившись со своей долей, отныне Давид следил за порядком в доме, ходил по магазинам и относил белье в прачечную. Когда у молодых пошли дети, хлопот прибавилось: с утра за молоком, вечером пеленки-распашонки, в выходные дни прогулки с коляской на свежем воздухе.

Мара предпочитала часами валяться на диване или курить у окна на кухне. Она раз пятнадцать на дню варила кофе, вела бесконечные телефонные разговоры с матерью или сестрами, жаловалась им на скуку семейной жизни и нехватку денег. Сама она работать не стремилась и возмущенно сопела, когда Давид намекал на залежавшийся в столе диплом художника-декоратора.

За первые восемь лет брака у Канцлеров родилось четверо детей. Жило семейство все в той же двухкомнатной квартире, где буквально дышать было нечем от тесноты, а также от привычки Мары закрывать все форточки, чтобы дети, не дай Бог, не простыли.

Чтобы не сойти с ума, Давид старался как можно больше времени проводить на работе. Ему удалось заполучить маленький кабинетик под центральной лестницей, хотя остальные работники стоматологического отделения ютились в двух небольших кабинетах и мастерской.

В своей комнатухе Давид и работал, и отдыхал до того часа, как поликлиника закрывалась, на списанной кушетке, отданной ему завхозом за литровую бутылку спирта. Еще немного и он бы совсем переселился в кабинет, но на его счастье, коллективу поликлиники выделили участки под дачи. Так Давид Канцлер стал обладателем шести соток земли, на которых он построил нечто среднее между собачьей будкой и складским помещением. Но для него это был рай, где царили тишина и покой. На участке Давид был полным хозяином, а Мара и дети за все последующие годы ни разу здесь не появились.

Каждый свободный вечер, каждый выходной, не говоря уже об отпуске или праздничных днях, Канцлер проводил на своем участке, где выращивал огурчики, зелень, кабачки, картошку. У него раньше, чем у других дачников, поспевали под пленкой помидоры и болгарский перец, соседи завидовали его плантации виктории и постоянно просили саженцы особой, очень крупной вишни. Бывало, что за время его отсутствия кто-то оборвет ранние огурцы или еще зеленоватые ягоды. Но Давид никогда не сердился, справедливо полагая, что «всем хватит».

Давид быстро научился консервировать, и как заправский кулинар закручивал сотни банок солений, компотов и варенья. Хозяйки с соседних участков без смущения заходили к нему, выведывали оригинальные рецепты и пробуя уже готовую продукцию.

—Вот жене повезло!—было общее мнение.

Хранил свои запасы Давид в погребе, хитро устроенном под его «собачьей конурой». Дачные воры, посещая зимой на вид благоустроенные домики, стороной обходили сляпанную кое из чего хибару Канцлера, не предполагая даже, сколько добра хранится под землей. Для Давида были большой радостью поездки на дачу среди зимы или ранней весной. Он спускался в погреб, и при скудном свете свечи любовно оглядывал стеллажи с банками, яму с овощами.

Семейство равнодушно принимало дары земли, бестолково и не экономно вскрывая банки, а у Давида душа болела, когда он видел кружок плесени на маринованных помидорах или компоте.

Если бы не дача и не новогодний стол, для которого понадобились заготовки, Давид, возможно, никогда бы не встретился с Таисией, и у него никогда бы не было той единственной любви, а которой мечтают и женщины, и мужчины.

А в тот первый приход Таисии в поликлинику, Давид Михеевич не только пообещал ей зубы, «каким и артисты позавидуют», но и успел признаться, что никогда не встречал женщины, красивей Таисии.

Этого хватило, чтобы женщина окончательно потеряла голову и позволила практически незнакомому человеку поцеловать себя. С того дня у Таисии и Давида началась новая, счастливая жизнь.

Теперь в своем кабинетике Давид Канцлер проводил лишь необходимое для работы время. Все остальные часы он пребывал в квартире Таисии, которая с его бескорыстной помощью обзавелась новыми фарфоровыми зубами. То ли зубы были тому причиной, то ли жизнь с Давидом, но Таисия расцвела, помолодела и летала что на работе, что по дому на крыльях.

—Ну, как он?—интересовались первое время поварихи. Но потом и спрашивать перестали. А чего спрашивать, когда и так видать, что баба счастлива без меры.

Родители, правда, сначала настороженно восприняли появление у дочери нового сожителя, но, видя, как счастливо смеется их Тайка, как нежно обнимает её Давид, успокоились. Конечно, они задумывались о том, что через несколько лет законный супруг дочери вернется из мест заключения и появится у неё. Но если Тайка на это махала рукой, так им чего зря кручиниться. Радоваться надо!

Через десять месяцев Таисия родила дочь. У девочки были рыжеватые волосики от отца, а все остальное от матери. Родители не могли наглядеться на свое сокровище, а Давид Михеевич нет-нет да всплакнет над кроваткой Шурочки.

—Ты чего плачешь?—бывало, спросит Таисия.

—От счастья и от любви,—отвечал Давид, легонько касаясь губами ножки ребенка.—Только бы успеть вырастить,—говорил он про себя.

Таисия ласково смотрела на Давида, которого давно уже про себя звала мужем. А кто же еще? Неужели муж это тот, с кем она по недоразумению в загсе расписалась? Или тот, кто вместо ласки кулаками её награждал да издевался всячески? Не-е-ет! Муж от слова «мужчина», а Давид Канцлер был настоящим мужчиной. И только с ним Таисия познала радость единения, слияния двух тел, двух сердец. Она умирать будет, но не забудет ту первую ночь, проведенную ею в объятиях Давида.

Мужчина ничего себе не позволил из того, ради чего и затаскивают женщину в постель. Он утопил её в нежности, целуя её безупречно белое тело, мягкими движениями полируя каждый миллиметр атласной кожи женщины.

Для Таисии весь мир перестал существовать, провалился в черную дыру, и только она каким-то чудом плавала во вселенной, чувствуя себя куском арктического льда, который от соприкосновения с руками Давида начал плавиться, растекаться, превращаясь в нечто невесомое, слабо подрагивающее и безмерно блаженное. Так вот что значит неземная любовь, чуть ни вслух проговорила Таисия, а мужчина удовлетворенно выдохнул, в очередной раз найдя на теле женщины чувствительную точку. От женщины пахло хлебом и миндалем, и эти запахи усиливали влечение Давида к своей пациентке и любовнице. Он уже давно мог бы овладеть ею, но чувствовал, что спешить не следует. Перед ним только чуть приоткрылась дверь в неведомые женские глубины, и если он хочет постичь их, вызвать к жизни, то не станет спешить сам и не поддастся уговорам женщины, чьи пересохшие губы шептали: «Хочу тебя, не могу больше». Давид увлажнял её рот поцелуем, а потом снова с энтузиазмом исследователя погружался в удивительный процесс реанимации чувственности женщины, чей первый сексуальный опыт принес ей не просто разочарование, но стойкое отвращение ко всякому прикосновению чужих рук, особенно мужских.

Их первая ночь закончилась долгим поцелуем, завершившим череду любовных игр и мастер-класса возбуждающих ласк. Они одновременно провалились в сон, так и не успев разжать объятий.

Дрова в печи давно прогорели, а через вьюшку, которую накануне вечером забыли закрыть, остатки тепла покинули комнату, где наконец-то осуществились мечты молодой женщины и немолодого мужчины о рае для двоих.

С рождением Шурочки взаимное влечение Давида и Таисии еще больше увеличилось. Они не могли прожить друг без друга лишнего часа. Таисия торопила время на работе, Канцлер все реже бывал дома, а под конец и вовсе появлялся два-три раза в месяц, чтобы пополнить холодильник съестным, оплатить необходимые счета да проконтролировать школьные успехи младших сыновей. Его старшая дочь Лия закончила художественно-графический факультет университета и стала модным декоратором, неплохо зарабатывала, часто пропадала на целые недели, обретаясь в мастерской своего друга фотографа.

Средняя дочь Соня окончила музыкальное училище по классу флейты и подавала большие надежды. Её мечтой была победа на известном конкурсе молодых исполнителей в Праге, поэтому все свое время она работала с преподавателем, который надеялся, что его талантливая ученица принесет славу и ему.

Младшие сыновья Давида Лева и Арсений были далеки от творчества. Лева был погружен в математику, легко выигрывал все олимпиады и готовился к поступлению в Бауманское училище, Арсений видел себя великим изобретателем, а электронику почитал за религию.

Таланты детей Давид Михеевич себе не приписывал, но жалел, что в свое время самым подробным образом не расспросил свою единственную тетку о том, кто и кем были его родители. Не мог он поверить, что дети пошли в родственников жены, единственный талант которых был в умении приспосабливаться и угождать, чтобы не потерять завидных теплых местечек. Своих родителей Давид не помнил, а тетка, когда он начинал её расспрашивать, прикладывала изуродованный полиартритом палец к губам: «Тс-с-с! Придет время—расскажу, но не раньше». Пока дожидались подходящего времени, тетка померла. Так что Давид Михеевич с полным основанием мог предположить, что его родители, пострадавшие в годы репрессий, возможно, были людьми незаурядными, а свои гены передали не ему, единственному сыну, а внукам.

Его предположение стало находить подтверждение вскоре после того, как Шурочка, его внебрачная любимая дочка от Таисии, уже в полтора года демонстрировала удивительные способности. Так она одной линией, угольком из печки могла нарисовать котенка, выгибающего спинку, из старых разрозненных пуговиц, которые мать хранила в жестяной банке, выложить узор, который точно повторял узор на галстук Давида. В два с половиной года отец принес дочери набор для вышивания. Таисия, конечно, засуетилась, можно ли доверить крохе иголку, ножницы, но Давид успокоил её и сам несколько вечеров подряд учил ребенка вышивать крестом и гладью. Это умение он приобрел еще в подростковом возрасте, помогая тетке вышивать салфетки на продажу.

Новое занятие так понравилось крохе, что она могла часами просидеть за пальцами и только тихо смеялась, когда на материале неожиданно появлялся или цветок лютик, или мордочка мышки, или рисунок с замерзшего стекла.

Дед и бабка Пановы души не чаяли в Шурочке, наперегонки закармливали конфетами и зефиром, а та отвечала им взаимностью, веселила их незатейливыми песенками и стишками, которые заучивала в детском саду. Пановы были счастливы счастьем дочери и внучки, но иногда, по ночам, пугали друг друга возвращением Славки.

—Что будет, что будет?—причитала Татьяна Васильевна и умоляюще смотрела на иконы.

—А ничего не будет!—резко отвечал ей муж, чиркая в потемках спичкой.—Как появится, так и исчезнет. Думаешь, Давид в сторонку отойдет, когда этот уголовник появится? Не-е-т, шалишь!

—Отец, отец,—вздыхала Татьяна Васильевна,—а ну как драка между ними завяжется? У Славки дури на десятерых хватит, а идти в тюрьму ему не впервой. Чиркнет ножом...

—Да кто ему позволит?—раскипятился Роман Петрович.—Да я сам тогда...

—Тише, тише, успокойся. Один раз ты уже навоевался, не знаю, как только живы остались,—вспомнила Татьяна Васильевна страшный день, когда Славка вырвал из рук Романа Петровича ружье и пошел палить. Видать не срок им был помирать, вот и остались целы и невредимы. А то, что изверга на восемь лет законопатили, так это справедливо!

Помолчали.

—Славка вернется—беда, а тут еще Юрик,—снова начала Татьяна Васильевна.

—А что Юрик?

—Жалуются на него в интернате, говорят злой, угрюмый, себе на уме. На каникулы придет, Шурочку надо сразу забирать к себе, а не то натворит он беды.

—Само собой,—согласился Роман Петрович, с трудом выбираясь из мягкой кровати. Он прошагал к лавке, где стояло ведро с колодезной водой.—Тебе принести?—спросил он у жены.

Жена промолчала, и старик поставил кружку на место. А Татьяна Васильевна вспомнила, как повел себя гадкий мальчишка, когда его привезли домой на каникулы. Шурочке тогда исполнилось восемь месяцев. Никто, конечно, не ожидал, что Юрик полюбит свою сестренку.

—Хорошенькая, правда?—тетешкала на руках Шурочку Таисия.—Скажи, Шурочка «мама», скажи «папа», скажи «Юрик».

Девочка улыбалась, пускала слюни и старательно повторяла вслед за матерью короткие слова. Юрику в то время исполнилось уже восемь с половиной. Он был рослым для своего возраста, жилистый в отца и смуглый. Черные волосы были подстрижены под ноль, а выражение узкого лица при виде счастливой матери стало таким, что Шурочка испугалась, спряталась у Таисии на груди и долго не решалась посмотреть на «б'атика», который хоть не ушел, но сделал вид, что все происходящее его не касается.

А дня через три Таисия застала сына за странным занятием: он откусывал от яблока большие куски и пихал в рот малышки. Девочка безропотно открывала рот, но не жевала и не глотала, а только болезненно морщилась.

—Ешь, ешь, оч-ч-чень вкусное яблоко,—приговаривал Юрик, запихивая очередной кусок в ротик ребенка.—Дед Роман еще принесет.

—Я же попросила тебя приглядеть за Шурочкой!—закричала Таисия, хватая дочку на руки.—А ты что, паразит, делаешь?

—Я и гляжу!—в ответ заорал Юрик.—Вон яблоком угощаю!

—Да я тебе...—начала Таисия, но полуслове запнулась, уловив во взгляде сына нечто ужасное, можно сказать, змеиное.

Юрик бросил огрызок яблока в детскую кроватку, повернулся к матери спиной и, независимо посвистывая, пошел к выходу.

—Нужна мне твоя спиногрызка,—сплюнул он на чистый пол.—Вот погоди, папка вернется!

Женщина хотела кинуться за ним, оттащить за волосы, но в последний момент осознала, что будет воевать с собственным сыном да к тому же стриженным наголо. За что хватать-то?

Девочка уже освободилась от яблока и теперь жалобно кряхтела, трогая крохотной ручкой пораненный рот. Она обняла Таисию за шею, почмокала губешками и прикрыла заплаканные глазки.

—Юик...бьяка,—сказала она отчетливо и уснула.

Таисия долго ходила с Шурочкой на руках по квартире, думала о сложившейся ситуации, о той опасности, что грозит малышке со стороны братца. Вечером, когда Давид вернулся с работы, она честно ему рассказала о том, что произошло. Отец взял девочку на руки, прижал к себе и с болью в голосе проговорил:

—Пусть Шурочка поживет у твоих родителей. А когда Юрик отправится в интернат, мы снова заживет как прежде.

—Как прежде, не получится,—прислонилась Таисия к плечу Давида.—Я ведь исключила из своей жизни и мужа и сына, а они никуда не делись. Вот они! Я сделала вид, что их нет, а они есть. Вот они! А что будет, когда Славка вернется да сын учебу закончит? Ой, боюсь я? Давид! Как я боюсь, родной мой!

Канцлер осторожно опустил ребенка в кроватку, обхватил Таисию за плечи и крепко прижал к себе.

—Не бойся, ничего не бойся! С мужем ты разведешься, это просто, когда он находится в тюрьме. А с мальчиком я поговорю. Не может быть, чтобы у него в душе не было ничего хорошего. Ведь что-то досталось ему от тебя, не все же от Славки.

—Дай Бог,—проговорила Таисия, хотя мало было веры в это. В мальчике, чем дальше, чем резче проступали черты папаши: он был капризен, часто по пустякам взрывался, говорил грязные слова, мог ударить взрослого человека. Звериная злоба проглядывала в его темных глазах, а недостаток интеллекта он компенсировал хитростью и притворством.

На следующий день, из садика Шурочку забрала бабушка Таня, которая, узнав от Таисии, что произошло накануне, пригрозила, что убьет дрянного мальчишку, если он появится близко от их дома.

Хитрый Юрик, оставленный матерью без конфет, лимонада и денег на кино, сообразил, что нельзя было явно выражать свою ненависть к появившейся сестренке. Остальное время каникул он вел себя подчеркнуто вежливо, старался меньше быть дома, пропадал с другими ребятами на реке, вечерами играл в «войнушку» с малышами. На все попытки Давида Михеевича поговорить по душам отмалчивался или убегал на улицу. В конце концов его оставили в покое, а когда пришло время провожать в интернат, закупили новой одежды, школьных принадлежностей, кулек сладостей.

Не успела Таисия вернуться из поездки, как Шурочка опять была дома. Правда первые дни ей не хватало бабушки и дедушки, она просилась к ним, не желала засыпать. Но потом все наладилось и целый год семейство жило спокойно и счастливо. На следующее лето история повторилась, но на этот раз Юрик сестренке яблоко в рот не запихивал, зато, улучив момент, когда мать отвлеклась, развешивая белье на веревках, столкнул маленькую Шурочку с крыльца. Возле крыльца была навалена куча дров, расколотых Давидом, стоял чурбак с воткнутым топором. Девочка боком упала между чурбаком и кучей дров, сильно ударившись головой. Она даже не закричала, не заплакала, а только безмолвно разевала рот и закатывала глазки, когда Таисия бросив белье и схватив дочку на руки, пыталась привести её в чувство.

Слава Богу и на этот раз все обошлось. Но Юрику крепко досталось. Таисия не пожалела ремня и своих сил и так отстегала мальчишку, что то не только сидеть, но и штаны неделю надевать не мог.

Давид не стал кричать или бить ребенка, но предупредил, что щипцами вытащит у того все зубы до единого, если с Шурочкой приключится какая-нибудь неприятность.

Девочка вновь переселилась к бабушке с дедом, постепенно забыла о Юрике, но иногда, во сне, кричала истошно и просила уйти «злого б'атика».

Вновь перед всеми встала черная тень Славки Кукина. Таисия послушала Давида и подала документы на развод. Но формально разведясь с Кукиным, она не перестала думать о том дне, когда закончится срок заключения.

—Не бойся!—в который раз успокаивал Давид.—С этой стороны тебе нечего ждать плохого. Я тебя уверяю.

И он оказался прав. Беда пришла с другой стороны.

xxx

Шурочке исполнилось пять лет. По этому поводу Таисия решила устроить праздничный обед, тем более, что день рождения выпал на воскресенье. Давид не появлялся у них с пятницы, но женщина знала, что пропустить пятилетие дочери он не сможет.

Для торжества Таисия решила приготовить что-то особенное. Вручив с утра дочке шикарное бархатное платье с фестонами по рукавам и подолу, она отправила её к родителям, наказав не перекормить ребенка конфетами и фруктами, а сама принялась колдовать на кухне.

Она наделала мясных рулетиков с начинкой из маринованных грибочков и грецких орехов, сделала заливную рыбу, выставила на холод студень, заставив дворовых собак усесться на крыльце и пускать слюни на запах мяса и чеснока. Не забыла про селедочку, буженину, колбасу и сыр. Из подпола достала компот из клубники, приготовленный Давидом Михеевичем, летнее ассорти и банку черники в собственном соку. У Таисии имелся фирменный рецепт быстрого пирога с черникой, который всегда получался на славу.

Вина в их доме не водилось, а маленький приставной столик служил для чайной посуды, сладостей и небольшого электрического самовара, расписанного под хохлому. Самовар—подарок Таисии на тридцатипятилетие. Его доставали только по торжественным случаям, а в обычное время пользовались большим зеленым эмалированным чайником, который весь день грелся на плите дровяной печки.

К трем часам стол был накрыт, Таисия принарядилась и все выглядывала в окно: не появится ли Давид со стороны автобусной остановки или родители с Шурочкой со стороны депо.

Родители принесли магазинный торт и коробку конфет, Шурочка нарядная и раскрасневшаяся с холода не переставала щебетать, рассказывая о подарках деда и бабы.

—Давида все нет?—забеспокоилась Татьяна Васильевна.—Шурочка нам сказала, что его давно нет.

—Ну что ты, мама,—успокоила её Таисия.—С пятницы. Он придет, обязательно, вот увидишь.

Пока ждали Давида, Шурочка выдала им весь творческий репертуар, похвасталась подарками, а потом устроилась у окна за занавеской, откуда хорошо просматривался весь двор. Девочка очень любила вот такие уютные уголки, когда тебя от всех скрывает плотная занавеска, а с другой—только стекло, сквозь которое видна жизнь людей, собак, птичек и другой живности.

—Папочка сейчас придет,—успокоила она всех и повторила для котенка, который недавно появился в их доме,—папа придет, мне подарок принесет.

Котенок вначале тихо сидел у девочки в подоле нового платья, а потом перебрался повыше на грудь и замер там, убаюканный торопливым ходом маленького сердечка.

Покружив бестолково по комнате в непонятной тревоге, Таисия пошла на кухню варить пельмени.

—Ну опоздает он, что ж такого. Не сидеть же нам голодными,—пояснила она родителям.

Не успели свариться пельмени, как появился Давид. Все сразу заговорили, засмеялись. Шурочка повисла у отца на шее, болтая ногами.

—Я же говорила, что папочка придет,—звонко кричала она и все сильнее прижималась к отцу.

Тот бережно поднял девочку на руки, глянул в её счастливое личико и крепко прижал к себе, словно кто-то мог забрать её у него. Шурочка притихла. Затихли и все остальные.

Первой опомнилась Таисия.

—Что случилось? Что произошло, мой дорогой? Не молчи, слышишь!—она не могла говорить, она кричала. Холодное и скользкое вползло в её душу, обернулось вокруг сердца и стало медленное его сжимать. Сердце трепыхалось, пыталось освободиться, но ужас лишил сил сопротивляться. Женщина побледнела, схватилась за грудь и медленно начала оседать на пол.

Роман Петрович успел подхватить дочь и подсунуть под неё стул, который жалобно скрипнул от тяжести безвольного тела. Татьяна Васильевна прижала голову дочери к себе, дрожащей рукой стараясь попасть в карман черного сарафана, где обычно носила тубу с валидолом.

Валидол подействовал, и Таисия открыла глаза. До неё дошло, что Давид еще ни одного слова не произнес, как зашел в квартиру. Он продолжал прижимать к себе Шурочку и глазами больной собаки смотреть на любимую женщину.

—Если ты сейчас не скажешь...что...произошло...—с трудом проговорила Таисия,—то я умру от разрыва сердца.

Давид Михеевич осторожно разжал руки дочери на своей шее, поставил её на пол, а потом сам опустился на пол рядом со стулом Таисии. Так, не раздевшись, в пальто и шляпе, он склонился над её коленями, обхватил руками за талию и затрясся в беззвучных рыданиях.

Таисия никогда не видела, чтобы плакал мужчина, тем более её Давид, сильный, замечательный, умный, смелый! Значит случилось нечто непоправимое. Но что? Непоправимой может быть только смерть, а остальное, считала Таисия все можно преодолеть, даже страшную болезнь, даже преступление.

—Не плачь, мой родной,—Таисия смахнула с его головы шляпу, запустила пальцы в поредевшие рыжеватые кудри мужчины.—Что бы ни случилось, я с тобой. Я поддержу тебя, я буду всегда с тобою рядом, я никому не дам тебя в обиду. Не плачь только.

Горячие слезы Давида прошли сквозь материю юбки, его дыхание обжигало ей ноги. Она бы сейчас все отдала, чтобы только утешить Давида, заставить улыбнуться ей, как он обычно делал, приходя домой.

Наконец мужчина поднял голову, глянул на неё. Высокий лоб, нос с горбинкой, полные губы. Для Таисии это лицо было самым красивым, самым любимым, самым дорогим. Как она любила целовать его в глаза, а черные упругие ресницы щекотали ей губы, заставляя еще крепче прижиматься к темным векам.

Она знала, сколько наслаждения могут дать эти губы, когда медленно пробираются ото лба к уху, оттуда ко рту, а потом вниз, к шее. Эти губы могли зажечь огонь в теле женщины, а могли успокоить любую боль. Эти губы произносили такие слова, что все существо женщины открывалось им навстречу и готово было за одно слово пойти на любое безумство.

Когда они только познакомились, Давид был худым, неухоженным. После шести лет жизни с Таисией, которая не могла допустить, чтобы её любимый недоедал, закармливала его и обижалась, когда он отказывался от очередного кулинарного изыска, лицо его округлилось, морщинки и бороздки расправились, и выглядел он сейчас гораздо моложе, чем при первой их встрече. Конечно, не в еде было дело, а в чувствах, в атмосфере любви и доверия между ними. Давид Канцлер расцвел от любви, как расцветает женщина под ласками любящего мужчины. Теперь он выглядел ухоженным, элегантным и очень обаятельным. Не даром некоторые медсестры да и незамужние врачихи уже давно с интересом поглядывали в сторону зубного техника. Но его глаза видели только Таисию, его сердце, его мужская сила принадлежали только Таисии.

Так почему же сегодня его глаза не лучатся, не шуряют от смеха?! Почему он смотрит так отстранено? Он прощается с нею? Разлюбил?!

Снова перед мысленным взором Таисии встала давняя картина: утро, солнечный свет заливал палату, спиной к свету стоит соседка с картами в руках. Лица не видать, но голос безжалостно твердит: «Несчастлива твоя судьба, Таисия Панова. Много в ней страданий... радость будет на том свете». И что-то про нечаянный цветок. Уж не про Шурочку ли речь шла?

Холод сковал Таисию, лишил её сил говорить, дышать, думать. Страшное уже предreshено, поняла она, так чего зазря суетиться? «Радость будет на том свете», сказала покойница, пусть так и будет.

xxx

Судьба играет человеком... Это про него, про Давида Канцлера сказано. Ну, казалось бы, что может измениться в устоявшейся жизни человека, который разменял шестой десяток? Все плохое и хорошее уже случилось, так нельзя ли дать человеку дожить без потрясений! Зачем отнимать у него вымоленное с таким трудом счастье?

Давид мало посвящал Таисию в свои семейные дела и оставлял Мару и детей в относительном неведении того, где он бывает чаще, чем дома. Такая жизнь, хоть и тяготила Канцлера, но давала возможность не чувствовать себя негодяем. Не мог он бросить своих уже подросших детей, тем более не мог отречься от малышки Шурочки.

Конечно, он представлял, что однажды Мара заинтересуется его вечными отлучками, устроит скандал и даже, преодолев свою природную лень, подаст на развод. Но он и представить не мог, что разрушителем его счастья станет старшая дочь Лия.

После нескольких лет совместного проживания с другом-фотографом, Лия все же вышла за него замуж и тут же уехала с ним в Израиль на постоянное место жительства. Через небольшое время Соня, к тому времени обладательница второй премии конкурса в Праге, тоже вышла замуж за дирижера симфонического оркестра пражского радио и благополучно перебирается

жить к нему. Заграничная жизнь дочерей, которые в письмах и в телефонных разговорах расхваливали новое житье, лишила сна вечно инертную Мару. Она вдруг загорелась идеей перебраться на историческую родину. Не поставив Давида в известность относительно своих планов, она начала активную деятельность по преодолению всяческих преград, и через год получила разрешение на выезд. Разумеется, что планы матери горячо поддерживали старшие дочери. Давид был поставлен перед фактом: или он уезжает в Израиль с Марой и сыновьями, или больше никогда не увидит никого из детей.

Мало сказать, что Канцлер был ошарашен и убит. В свои худшие годы он не помышлял о том, чтобы покинуть страну, а уж сейчас, когда у него есть Таисия и Шурочка... Он собрал свою волю в кулак и попробовал переубедить жену. Он рисовал перед ней картины безрадостной жизни в чужой стране, неопределенность их будущего, возможность тоски по России. Но Мара всегда отличалась упорством, достойным лучшего применения. Она воззвала к отцовским чувствам Давида, имеющего двух талантливых сыновей.

—Что они могут иметь здесь? Средний вуз и работу за мизерную зарплату?—кричала Мара.—В свободном мире у них будут другие перспективы! Если ты этого не понимаешь, ты кретин, Давид!

Лева и Арсений встали на сторону матери. Подарки, которые присылали им сестры, их рассказы о том, как можно устроиться, имея голову на плечах, лучше всего убеждали развитых не по годам мальчиков.

Давид встал перед выбором. Даже в страшном сне ему не могла присниться разлука с Таисией и Шурочкой, а тут наяву! Сгоряча он решился на развод с женой и даже сказал ей об этом. Но его чадолюбивая душа не дала ему сделать это. Значит, придется расстаться с Таисией и Шурочкой.

Именно об этом и рассказал Давид Михеевич Пановым, собравшимся на день рождения его дочери. Шурочка, не понимающая, почему беззвучно плачет её мама, почему схватилась за сердце бабушка и почему так недовольно морщит лоб дед, тихо как мышка сидела за занавеской, прижимая к себе котенка, и переводила испуганные взгляды с одного взрослого на другого. Никто не ругался, не ссорился, но выглядели так, словно сейчас разойдутся и никогда больше не встретятся. Хотелось заплакать, но появившийся в груди комок не давал. Девочка бессильно прислонилась головой к оконному стеклу, закрыла глаза и постаралась заснуть. Может, когда она проснется, все будет по-другому, все снова развеселятся, и не будет этой страшной тишины в доме.

Но тишина в доме Таисии поселилась надолго. Потекли недели и месяцы без Давида. Таисии не хотелось ни есть, ни спать, ни работать. Только Шурочка на какое-то время могла вырвать женщину из оков апатии и безмерной тоски. Девочка давно не видела отца и первое время часто спрашивала о нем. Но каждый раз у мамы кривилось лицо, краснели глаза, а потом целый вечер дома пахло лекарством, которое мама капала из темного пузырька. Постепенно Шурочка поняла, что о папе спрашивать не надо. Она подолгу сидела у окна, смотрела в сторону автобусной остановки и ждала, что папа придет.

Наступил еще один день рождения Шурочки. Она получила подарки от бабушки с бабушкой, от мамы и соседки, с которой иногда оставалась, когда Таисия задерживалась на работе. Снова накрыли стол, но не было того веселья, с которым год назад они ждали прихода Давида Канцлера.

А на следующий день почтальон принес извещение на посылку.

На лицевой стороне посылки красовались иностранные марки, стояли черные и красные штампы. В коробке, обвязанной розовым бантом, лежала огромная кукла, чем-то неуловимо похожая на Шурочку: те же легкие рыженькие волосики, те же глубокие темные глазки, тот же ротик, приоткрытый в улыбке. Но больше всего присутствующих поразила одна деталь—в кукольных ручках пригрелся рыжий котенок, совсем как живой! Он и сделан, наверное был из

шкурки настоящего котенка, имел кожаный носик, глазки из крупного бисера и пластмассовые коготки. Именно таким был котенок в тот злосчастный день, когда Давид сказал, что уезжает навсегда. Сейчас-то котенок сильно вырос и оказался не котом, а кошкой, которую Шурочка назвала Ружей.

Дрожащими руками Таисия вынула куклу из коробки, потрогала её волосики, шелковое кремовое платье, спинку котенка, потом взглянула на замершую у стола Шурочку и снова, как тогда беззвучно заплакала. Соседка, присутствующая при вскрытии посылки, осторожно забрала куклу из рук женщины, передала Шурочке, а сама начала обыскивать коробку в поисках записки или письма. Письмо нашлось. Большой голубоватый конверт был не заклеен. Соседка вытащила из него отпечатанный на машинке лист, а следом плотный гляцевый листок, сложенный вчетверо, исписанный мелким, кудрявым почерком Давида Канцлера. Увидев письмо, Таисия так и подскочила.

—Дай мне!—вскрикнула она, а заполучив письмо, кинулась в соседнюю комнату.

Шурочка смотрела на невиданной красоты куклу, на игрушечного котенка, и ей казалось, что кукла сейчас оживет, превратится в девочку, а котенок спрыгнет с маленьких ручек и начнет гоняться за собственным хвостиком, как это любила делать их Ружа, когда была маленькой.

Но кукла не ожила, и котенок не ожил. Каким-то образом девочка поняла, что это подарок от отца и вместе с тем к ней пришло ощущение, что никогда она не увидит папочку, хотя тот и обещал, что придет к ней.

Соседка сосредоточенно складывала и уминала руками оберточную почтовую бумагу, коробку из-под куклы, белый шпагат, а сама все прислушивалась к тому, что происходит в соседней комнате. Послышался стон, потом тяжелый вздох, потом какие-то жалостливые причитания, потом все стихло. Женщина не знала, что ей делать: то ли уйти, то ли остаться и присмотреть за Шурочкой, которая пригорюнившись сидела на своем излюбленном месте на подоконнике за занавеской. От нечего делать соседка запихнула бумагу в печь, придавила её поленом и стала смотреть, как разгоревшееся из угольков пламя жадно пожирает внеурочную добычу. Чтобы жар не пропал даром, соседка поставила на плиту остывший чайник.

Прошло не менее получаса, как вдруг в комнате, куда скрылась Таисия, что-то грохнуло, словно человек запнулся о коврик и рухнул на пол.

—Тая,—позвала соседка.—Тая!— Никакого ответа.

Тогда женщина, осторожно ступая по скрипящим половицам, двинулась к закрытой двери, потянула её на себя, зашла в комнату.

—А-а-а-а!

Таисия полусидела, полулежала на полу у кровати, и крепкий пояс от теплого халата сжимал её шею. Конец пояса был привязан к железной спинке. Лицо Таисии побурело, язык вывалился наружу, а вместо глаз на мир смотрели белые глазные яблоки.

Соседке хватило нескольких секунд, чтобы метнуться к столу за ножом, каким перед тем резали шпагат на посылке, резануть по поясу, просунуть нож под узел на шее и, придерживая голову Таисии, опустить её на пол. Упав на колени перед удавленницей, соседка ударила её несколько раз по щекам, чтобы привести в чувство, и только после того, как Таисия со всхлипом втянула в себя первый глоток воздуха, позволила себе облегченно выдохнуть.

—Ну, Тайка, ты зараза!—ткнула она кулаком распростертое тело хрипящей, но уже приходящей в себя женщины.—Башку бы тебе разбить за такие дела! Ты что же, зараза, надумала! Ты о ребенке подумала?!

А Шурочка, испуганная криком соседки и тем, что она схватила нож, тихонько подобралась к двери и увидела лежащую на полу мать, которая с хрипом дышала и отплевывалась и рядом сидящую тетю Маню, рука которой все еще сжимала нож. Шурочка задохнулась от ужаса, шагнула назад, но запнулась и рухнула на пол.

Соседка поздно сообразила, что нужно было закрыть дверь, чтобы не травмировать девочку зрелищем матери-самоубийцы. Теперь пришлось отхаживать обеих. Шурочка быстро пришла в себя, умоляюще глянула на соседку:

—Тетя Маня, ты мою мамочку не зарезала? Пожалуйста, не надо!— плакал бедный ребенок.

—Что ты, деточка, что тебе в головушку пришло!—обняла девочку соседка.—Я только поясок разрезала, в котором...мамка твоя...головой...шеей запуталась. Вот!

—Это правда, тетя Маня?—все еще не верила Шурочка.

—Правда, конечно правда! Пойдем к мамке, сама посмотришь.

Она подняла Шурочку и придерживая её за спинку, повела в соседнюю комнату. Таисия сидела на полу, прислонившись к кровати. Она постепенно приходила в себя, старательно растирала шею и громко дышала. Шурочка медленно подошла к матери, опустилась на корточки. Тут она увидела обрывок пояса, привязанный к спинке, и другой, валяющийся рядом. В её голове сложилась страшная картина, и она бросилась на грудь матери, заколотила её кулачками:

—Ты повесилась!—кричала девочка.—Ты повесилась! Ты плохая! Я тебя не люблю! Мамочка!

Бывшуюся в истерике девочку соседке пришлось выносить из комнаты на руках. Она сильно прижимала к себе дрожащее тельце девочки, говорила ласковые слова, целовала залитые слезами щечки.

На шум и крики с топором в руках прибежал сосед Василий Дмитриевич. Он охнул при виде Таисии, потом бросил на пол топор, схватил ковш с холодной водой и плеснул ей в лицо. Потом тайком сунул в карман оба конца разрезанного пояса от халата.

—Ну ты, бабонька, довела себя,—укорил он безвольно прислонившуюся к кровати Таисию, по лицу и груди которой текла вода.—Последнее дело вешаться бабе, у которой дитя на руках.

Он продолжал бубнить про себя, а сам оглядывался, стараясь понять, что послужило причиной такого поступка Таисии. На смятой постели он заметил конверт, взял его в руки, покрутил и так и эдак. Ни адреса, ни обратного адреса не было. Василий Дмитриевич постеснялся сунуть нос в конверт и осторожно положил его на столик. Потом он услышал странные квакающие звуки за своей спиной, обернулся и увидел, что это плачет Таисия. Травмированное горло не давало ей реветь во весь голос, и она выдавливала из себя рыдания порцию за порцией. Слезы же беспрепятственно лились по страдальчески сморщенному лицу бедной женщины.

—Чует мое сердце, беда случилась,—пробубнил себе под нос Василий Дмитриевич. Потом потоптался возле плачущей Таисии, дернул себя за ус и пошел на голос соседки, которая все уговаривала Шурочку не плакать.

—Посмотри, какую куклу тебе прислал папа,—шмыгала носом соседка.—Не забыл про тебя за своей границей. И котик совсем как Ружа, погляди только.

Но Шурочки было не до куклы. Она сама, как сломанная кукла, лежала поверх клетчатого покрывала, смотрела в потолок и слушала, как рядом, за стенкой плачет мама.

А вскоре и родители, и соседи, и женщины на работе узнали, что в посылку было вложено письмо от старшей дочери Давида Михеевича, Лии. Она лаконично сообщала, что её отец, Давид Канцлер, скончался от внезапной остановки сердца. Среди его вещей был обнаружен подготовленный к отправке подарок—дорогая кукла, и приложено письмо, из которого Лия Давыдовна и узнала о существовании второй семьи своего отца. По зрелому размышлению женщина решила, что подарок внебрачная дочь отца все же должна получить, а женщина, которую, как она поняла из письма отца, он любил на протяжении нескольких лет, имела право узнать о последних днях жизни Давида Канцлера. Лия Давыдовна очень сожалела о случившемся и просила сообщить, если Шурочке что-нибудь нужно будет.

«Теперь мы знаем, почему так тосковал наш отец по России,—было напечатано в письме.—По всему видно, он вас очень любил и сильно переживал за дочку... Мы не оставим без внимания нужды нашей кровной сестры, в чем бы они ни выражались. Пишите без стеснения».

Последнее выражение «без стеснения» пронзило острой болью сердце Таисии. Перед глазами встала та первая встреча в пригородном автобусе, прощание на площади и улыбочное лицо Давида:

—Без стеснения!—предупредил он её тогда, помахав на прощание рукой. А она, Таисия, смотрела ему вслед и тоже улыбалась, забыв про зияющую прореху в верхней челюсти.

Письмо дочери Давида всколыхнуло память, растравило душу и заставило в комочек сжаться больное сердце Таисии. Последний год она жила одной думой—Давиду там, за границей, лучше, чем здесь. Оказалось же, что переезд, смена климата и в целом обстановки, последующие переживания, может быть, денежные проблемы убили Давида, и теперь она по праву может считать себя вдовой. Ведь в её жизни был только один муж—Давид Михеевич Канцлер, а значит, она теперь его вдова.

С того дня никто не видал Таисию, одетую иначе, чем в черное платье, и повязанную черной кружевной косынкой. Черный цвет в момент состарил Таисию, высветил многочисленные морщинки и белые пряди в темно-русых волосах. Родители пытались отвлечь дочь от переживаний, но отступились. Не помогли и слезы Шурочки.

—Доченька, ласточка моя,—отвечала заплаканная Таисия,—папочка умер. Ты ведь уже знаешь, когда умирает близкий человек, люди надевают черную одежду.

—Значит, и я должна надеть черное платье?—наивно спрашивала Шурочка.

—Нет, моя дорогая,—обнимала дочь Таисия.—Ты еще маленькая, а маленьким можно носить одежду любого цвета.

Женщины с работы с пониманием отнеслись к трауру Таисии, оставили её в покое, не заводи́ли праздных разговоров.

Полетели дни и недели. Пошел второй год без Давида, а Таисия так и не пришла в себя после случившегося. И как результат, начала пить. Правда, пила исключительно дома, после работы, так, чтобы не заметила Шурочка. Обычная норма—два стакана за вечер. На работе никто не замечал изменений в Таисии Романовне, родители больше общались с Шурочкой, чем с нею, соседям было и вовсе не до неё.

Когда Шурочка в сентябре пошла в школу, Таисия впервые откровенно, на глазах у дочери напилась, а утром опоздала на работу. Поварихи покрыли её опоздание, но потом это стало случаться все чаще и чаще, и скрывать от начальства пьянство Таисии Пановой стало невозможно. Так, из поварих её перевели в посудомойки, а немного погодя посетители столовой стыдливо отводили взгляды, когда видели бывшую классную повариху с ведром и шваброй.

Пановы поздно забили тревогу. Как они ни старались, как ни уговаривали Таисию, как ни стыдили, толку было мало. Теперь внучка еще больше времени проводила у бабушки с бабушкой, зная, что дома её ждет нетопленая квартира, пьяная мать и сочувственные взгляды соседей.

—Бедная девочка,—доносилось до неё.—Того гляди, сиротой останется.

Не успели Пановы осознать беду, свалившуюся на них, как подросла новая. Из мест заключения вернулся Славка Кукин, который, правда, не сразу направился к дому Таисии, а вначале походил среди деповских, послушал, что говорят о его бывшей жене. Видать услышанное вполне устроило его, и под Новый год Кукин заявился к Таисии. День был воскресный, Таисия мучалась похмельем после субботнего возлияния, а бежать за новой бутылкой было не вмоготу.

Увидав на пороге Славку, она почти не удивилась.

—Чего надо?

—Таюшка, милая,—заюлил Кукин.—Так ведь Новый год скоро, вот и пришел поздравить. По-людски, так сказать. Не чужие же мы с тобой.

Говорил, а сам потихоньку оттирал Таисию от порога, угрем протискиваясь в комнату. Женщина промолчала на такое нахальство, а когда Славка вытащил из кармана поллитровку, ни слова не говоря, села к столу, где со вчерашнего стояла пустая бутылка и скудная закуска.

Славка, не раздеваясь, шмыгнул за стол, налил полный стакан Таисии, подождал, пока она выпьет все до капли, потом в этот же стакан налил себе и тоже выпил. Главное было сделано, считал Славка. Как и в первый раз, он угадал, на что купится Тайка Панова и впустит его в свою жизнь. Пятнадцать лет назад он поймал Тайку на любовный крючок, а на этот раз все оказалось проще. Только теперь он будет умнее, будет беречь Таисию Романовну, потому что в её руках его благополучие в виде проживания в этой квартире и сытного обеда из столовой.

Так Славка снова поселился у Таисии, а у неё появился собутыльник. Соседи ожидали, что начнутся пьяные скандалы, разборки, будут собираться, как прежде, пьяницы со всей округи, но ничего подобного не произошло. Бывшие супруги пьянствовали тихо, за закрытыми дверями.

Шурочка в такие моменты пряталась в другой комнате, обустроив себе уютный уголок у окна, на широком подоконнике которого учила уроки, рисовала, выкладывала из цветных стеклышек мозаику или лепила забавных зверюшек. Она продолжала вышивать, но теперь нитки и материал ей покупала не мать, а бабушка. Никто не знал, что Шурочка по памяти вышила портрет своего отца Давида Канцлера и спрятала в коробку из-под кубиков, которые когда-то давно ей подарили на день рождения. Иногда Шурочка вытаскивала вышивку, долго-долго смотрела на дорогое лицо, гладила шероховатую поверхность материала и снова укладывала в коробку. Когда в комнату входила мать или Славка, Шурочка ныряла за занавеску и не выдавала своего присутствия, пока взрослые не уходили.

Несчастья продолжали преследовать Таисию. Через год, после того как снова появился Славка, в их дом постучал милиционер, от которого она узнала, что сын Юрик, организовав банду подростков, совершил несколько дерзких грабежей, а потом и вовсе убил сторожа одного из сельских магазинов. За ним, по словам милиционера, тянулся большой список преступлений, и несмотря на то, что ему до восемнадцати лет недоставало трех месяцев, колония для малолетних ему не светила.

Таисии нужно было ехать на суд. Увидев сына за прутьями решетки, Таисия даже вздрогнула: перед нею был Славка Кукин! Та же внешность, та же манера держаться, тот же наглый взгляд и пренебрежительная ухмылка. Парень никак не отреагировал на появление матери, только что-то сказал рядом сидящему прыщавому юнцу, который со значением поглядев в сторону Таисии, а потом демонстративно сплюнул под ноги.

Сидя в зале суда, вся в черном, Таисия и лицом почернела, выслушивая речи прокурора, свидетельские показания и небрежные ответы подсудимых.

Она породила чудовище, проносилось в голове, и судить надо её! Только она виновата в том, что приняла Славку Кукина за человека, родила от него сына, который далеко переплюнул отца. Почему ей не хватило мозгов разглядеть в Славке подонка, а потом еще и решиться на рождение ребенка? Нет ей оправдания! На скамье подсудимых, среди этих малолетних бандитов должна сидеть она, Таисия Панова, потому что это её сын-урод собрал их вокруг себя и заставил грабить и убивать.

Придя вечером в убогий гостиничный номер, Таисия в который раз подумала о никчемности своей жизни. А раз так, то пора кончать с этим.

Хотелось выпить. Уже четвертые сутки она не берет в рот спиртное, так как четвертый день длится заседание суда. Сколько еще ей придется терпеть? Может, бросить все и уехать домой, а там напиться как следует и... Даже страшно не будет!

Страшно болело нутро. То ли он того, что она практически ничего не ела все эти дни, то ли от того, что организм пьяницы требовал очередную дозу спиртного, то ли отчаяние резало внутренности, скручивая тело пополам.

Женщина легла на скрипнувшую кровать, подтянула колени к подбородку и попробовала отвлечься от боли, думать о чем-нибудь другом. Но не получалось. Мысли снова и снова возвращались к тому дню, когда она, измученная одиночеством, толстая и никому не нужная мечтала о том, чтобы любым способом избавиться от килограммов мяса и сала. Сейчас и вспомнить об этом смешно, смешно и стыдно! И все это ради того, чтобы такой прохиндей как Славка Кукин обратил на неё внимание? Ради того, чтобы на свет появился второй Кукин, который повторит мерзкую судьбу своего отца?

Крыса вгрызалась во внутренности Таисии, заставляя еще сильнее прижимать руки к животу. В голове поплыл кровавый туман, а тело стало словно неживым. Хорошо бы умереть, опять подумала Таисия и провалилась в черноту.

Сколько она пробыла в таком состоянии, она не знала, но за окном брезжил рассвет. Значит, пора вставать. Сегодня должны зачитывать обвинительное заключение, а если успеют, то огласят приговор.

Женщина, всю ночь пролежавшая на одном боку, с трудом перевернулась на другой и попыталась разглядеть циферблат наручных часов. Бесполезно.

—Сколько же сейчас?—вслух проговорила Таисия и начала подниматься. Но тут же остановилась, пораженная игрой теней на противоположной стене: большая тень носилась как отблеск пожара, захватывая все больше и больше места. В самом углу притаилась маленькая тень, напоминающая ребенка, который в ужасе глядит на злое пламя, но не может двинуться с места.

Таисия в ужасе зажмурилась, а когда открыла глаза и снова глянула на стену, то ничего не увидела, кроме отражения голый ветки дерева за окном.

—Шурочка!!!

Сомнений не было: она видела дочку, на которую надвигалась страшная тень беды. Дочка в опасности! Таисия оставила дочь у родителей, но кто знает, что могло случиться, например, по пути в школу или дома, где сычом сидел вечно пьяный Славка.

Как ветром выдуло Таисию из кровати. Два часа ушло на формальности, еще час она добиралась до автовокзала и полчаса простояла в очереди за билетом. Потом в нетерпении смотрела на стоянку больших автобусов, ожидая, когда один из оранжевых монстров соизволит прибыть к посадочной платформе. Когда объявили её рейс, она первой влетела в салон, пихнув при этом старушку в валенках и потертом полушубке.

—Батюшки,—запричитала старушка, отброшенная от двери автобуса,—убила, окаянная. Таисия обернулась, схватила старушку за рукав и втащила в автобус.

—Прости,—только и сказала она, потом забилась на сиденье у окна и замерла в ожидании.

Автобус ехал с обычной скоростью, но женщине казалось, что водитель намеренно придерживает «Икарус». Глухое раздражение поднималось в ней, рождало нервную дрожь, от которой сжималось все внутри, а в голове появлялась невыносимая ломота.

Прибыли по расписанию. Таисия рванула было пешком, но потом побежала на остановку. Через несколько минут подошел почти пустой автобус. Час пик не наступил, большинство было еще на работе. Вывалившись из теплого нутра автобуса, Таисия кинулась к своей улице. Кроме скрипа снега под каблуками она ничего не слышала. От бега ей стало жарко, волосы выбились из-под платка, хотелось остановиться и глубоко вдохнуть свежего зимнего воздуха. Выбежав на свою улицу, женщина замерла, глянув в сторону проглядывающего в морозной дымке деревянного четырехквартирного дома. Все было спокойно.

Таисия распрямилась в поясице и облегченно вздохнула. Ноги от непривычного бега дрожали, потная одежда прилипла к телу, а в горле саднило и хотелось пить.

—Вот дура!—отругала себя Таисия.—Придет же в голову такое! Причем в трезвую. Придумала видения какие-то. А тут красота и тишина,—обвела глазами знакомую улицу, знакомые дома, занесенные под самые крыши снегом, опущенные инеем старые деревья.

Вдруг в звенящей тишине жутко, дико, безысходно взвыла собака, за ней вторая, третья, и скоро разноголосый собачий хор выводил страшную песню непоправимого несчастья.

Как она домчалась до дома, Таисия и потом не могла вспомнить. Дверь в тамбур была не заперта. Плохо соображая от страха и не слыша ничего, кроме собачьего воя, женщина рванула на себя обитую войлоком дверь и остановилась, парализованная ужасом. Из квартиры валил черный удушливый дым.

—Шура!!! Шурочка!!!—вне себя заорала Таисия и, не видя ничего перед собой, кинулась вглубь квартиры.

Поток воздуха ворвался вместе с нею. Все в комнате, словно ожидало этого, и разом вспыхнуло оранжевым пламенем. Таисии хватило одного взгляда, чтобы заметить развалившегося на постели Славку, закинутую за голову руку с папиросой, черную дыру в подушке.

—Шурочка!!!—снова закричала женщина, снова и снова окидывая взглядом помещение. Потом она кинулась в другую комнату, но и там никого не было. Дым мешал смотреть и дышать, подступающее пламя грозило спалить её заживо. Она бросилась к печке, рядом с которой стояла скамья, а на ней два ведра для колодезной воды. Одно ведро было пусто, в другом плескалась вода. Таисия схватила ведро и опрокинула его на постель. Славка был мертв, сразу определила она, но это её не взволновало. Сейчас главное для неё—где Шурочка? Если у родителей, лихорадочно соображала женщина, то все хорошо. Но если ребенок с испугу забился в угол, то её жизнь висит на волоске. Под натиском пламени Таисия стала отступать к входной двери.

Она и не думала спасать вещи или мебель. Черт с ним, с этим бараклом. Лишь бы с дочкой ничего не случилось.

И в этот момент где-то мяукнула кошка.

—Ружа!—заорала Таисия.—Кис-кис!

Ружа послушно отозвалась, только как-то вяло, нехотя. Но Таисии и этого было достаточно. Она перепрыгнула через полыхающий половики и оказалась в другой комнате.

—Кис-кис!—отчаянно позвала Таисия.

—Мяв...—и оборвалось.

Женщина кинулась к окну. Как же она сразу не догадалась!

Сжавшись в комок и прижав к груди несчастную Ружу, Шурочка сидела на широком подоконнике за занавеской, упершись носиком в щелку между рамами окна. Она уже не дышала, а лицо приобрело характерный оттенок задохнувшегося человека.

Таисия схватила девочку одной рукой, другой—деревянный стул и, размахнувшись. В этот удар женщина вложила не только всю свою силу, но и все свое отчаяние, свою боль, свой страх за дочь, свою злость на неудавшуюся жизнь.

Старенькие рамы не выдержали и разлетелись. Таисия махом перепрыгнула через невысокий подоконник и, увязая в снегу, который за домом никто не чистил, рванула туда, где ей могли оказать помощь. Ей навстречу неслись испуганные крики людей, характерный сигнал пожарной машины, тревожная сирена депо. На ходу она обернулась: её квартира горела, но небольшой ветер дул в ту же сторону, поэтому было хоть слабая, но надежда на то, что остальные квартиры уцелеют.

Кто-то наткнулся на Таисию с раздетой девочкой в руках, закричал, стал звать на помощь. Крепкие мужские руки оторвали Шурочку от груди обезумевшей матери, чей-то голос уговаривал её сесть в машину. Но Таисия уже ничего не понимала. Наконец её удалось посадить в кабину грузовой машины, туда же просунули Шурочку.

—Гони!—закричал кто-то рядом. Машина взревела и, пугая народ непрерывным сигналом, полетела по заснеженной улице туда, где под кронами старых деревьев, за железной изгородью находилась районная больница.

Шурочку чудом удалось спасти, а на следующий день её отправили в областную детскую больницу для серьезного лечения. Таисия осталась в своей больнице, залечивая многочисленные ожоги. Особенно у неё пострадала голова: прежде красивые густые волосы, хоть и окрашенные сединой, были напрочь отсечены пламенем. По-видимому, носясь по дому в поисках Шурочки, женщина потеряла платок и растрепанные волосы стали добычей жадного пламени.

Медсестра поначалу аккуратно выстригала поврежденные жаром пряди, но потом предложила:

—Лучше короткую прическу сделай.

Таисия обреченно качнула головой. Что ей до волос, когда жизнь в очередной раз устроила ей жесткий экзамен на право жить. Любимый умер, нелюбимый тоже умер, сын в тюрьме, дочь в больнице. Сама она осталась безо всего, даже сумка с документами и последними деньгами, которую она в панике бросила в тамбуре перед тем, как открыть в квартиру дверь, может, потерялась, а может, украдена. Ей больше не подняться. И если бы Бог был милосердным, думала она, то забрал бы её сейчас. Ну что стоит её больному несчастному сердцу остановиться? Неужели есть еще страдания, неизвестные ей, неужели она еще не расплатилась за ту ошибку, что совершила по молодости?

Врачи опасались за рассудок Таисии Пановой, с сочувствием смотрели на двух стариков, которые робко жались друг к другу на узеньком диванчике в больничном коридоре. Весь персонал знал, что старики Пановы полдня находятся у постели внучки, полдня—у постели дочери. И если бы они не опасались заморозить дом, то и ночевали бы в больнице. Измученные несчастьями, свалившимися на их семью, Пановы крепились изо всех сил, и никто ни разу не слышал от них ни слова жалобы.

А кому и на что было жаловаться?

xxx

Таисию выписали через три недели, а еще через неделю дома появилась Шурочка. Теперь они жили у родителей, в их маленьком тесном домике, но были счастливы, что живы и здоровы.

Три квартиры деревянного дома, где раньше жила Таисия, пожарным удалось отстоять, а на месте её квартиры чернели головешки да сиротливо смотрела в небо железная труба печи. Женщина постояла над пепелищем, поплакала над своей жизнью и пошла к соседям просить прощение. Как никак, но это она виновата в том, что произошло. Не пустила бы Кукина, не был бы и пожара. Ведь не в первый раз Славка завалился в постель с папиросой. И раньше такое было, да она приглядывала за ним. А тут уехала, вот Кукин и остался без присмотра.

Соседи не стали упрекать Таисию—ей и так было горько, но вздохнули облегченно, что господь избавил их от опасного соседства. Кто знает, что мог сотворить Славка в пьяном бреду.

Жизнь продолжалась, текла неспешно. Таисия работала, пить бросила, и вскоре её снова перевели в поварихи. Материальные трудности, возникшие после пожара (в чем выскочили, в том и остались), не очень беспокоили её, зато тревожило здоровье родителей. За последние годы Пановы исчерпали весь свой жизненный ресурс и теперь с трудом двигались, были плохими помощниками Таисии, когда та весной обрабатывала огород или осенью убирала картошку с участка.

Роман Петрович большую часть времени проводил на печке, жаловался на холод в ногах и на мушек перед глазами. Татьяна Васильевна дни и вечера проводила у окошка, вязала теплые носки, рукавички и жилетки. Шурочка быстро переняла у бабушки умение вязать на спицах и крючком и уже в пятом классе форсила в ажурной кофте, связанной ею самой от первой до последней петли.

Девочка училась на отлично, была молчалива, послушна и очень любила кошек. Старая Ружа спала в ногах девочки, а утром провожала её до перекрестка, откуда была видна школа. После обеда девочка спешила домой, а на перекрестке её дожидалась Ружа, которая важно шествовала рядом, грозно поглядывая на случайно пробежавших собак.

От Юрика из тюрьмы не было никаких известий, да и Таисия не горела желанием узнать, как он и что он. Знала только, что сын осужден на восемь лет. Итак, он повторял путь своего отца, а мать боялась, что какая-нибудь глупенькая девочка повторит её, Таисину, судьбу, прельстившись на обманные слова Кукина-младшего.

—Не дай, Бог,—молилась она.

Шурочка росла красавицей, умницей. Учителя отмечали её творческие способности и рекомендовали матери отвести девочку в только что открывшийся центр эстетического воспитания, до которого добираться, правда, нужно было более часа, да с пересадкой. Шурочка загорелась идеей заняться творчеством по-настоящему, под руководством специалистов и, не жалея времени и сил, через день отправлялась на противоположный конец города.

Именно занятия в центре определили дальнейшую судьбу девочки: по окончании школы Шурочка поехала поступать в столичный институт культуры. На поезд её провожала одна Таисия. За полтора года до этого умер Роман Петрович, а Татьяна Васильевна пережила мужа только на четыре месяца. Последние дни она не вставала, часто разговаривала сама с собою и привидевшимся ей мужем. Перед смертью она долго смотрела на Таисию, просила у той прощения. Таисия целовала морщинистые руки матери, гладила мокрые от слез щеки и сама просила прощения за то, что так несуразно распорядилась своей жизнью. Последними словами Татьяны Васильевны был наказ переписать их домик на Шурочку.

Девочка не отходила ни на шаг от постели бабушки, поила её из чашки, тихонько пела или что-то рассказывала.

—Ангел, ангел,—шептала Татьяна Васильевна и слабо сжимала Шурочкины пальчики.

За три дня до смерти бабушки Шурочка закончила картину, сюжет который придумала сама: в саду, под цветущими яблонями, за круглым столом сидят бабушка и дедушка. Перед ними самовар, чашки, в глубокой миске сотовый мед. Дед Роман сидит и смотрит серьезно, а бабушка Таня, улыбаясь, разливает по чашкам чай.

Разглядев, что на картине, Татьяна Васильевна попросила повесить её так, чтобы она была перед глазами. Шурочка немедленно выполнила просьбу: к вечеру смастерила рамочку и прикрепила картину на маленькие гвоздики. Последние часы своей жизни бабушка провела в чудесном саду под яблонями, с верным спутником, Романом Петровичем. Она так и умерла, не отрывая взгляда от картины.

Теперь вся радость, весь смысл жизни Таисии заключался единственно в Шурочке. Ей все чаще и чаще приходила на память женщина, которая предсказала её судьбу, пообещав покой лишь на том свете, да и то при условии, что она сохранит «нечаянный цветок». У Таисии не было сомнений в том, что это было сказано о Шурочке, нечаянном цветке их с Давидом нечаянной любви. Тяжелую и многострадальную жизнь прожила Таисия, и не было в ней такого несчастья, которое бы она не испытала. Она давно ничего не просит у судьбы для себя, только для дочери. На пороге своего пятидесятилетия её мысли только о том, чтобы жизнь Шурочки сложилась не в пример лучше.

—Обещай мне,—пытливо всматривалась она в лицо дочери, стоящей на перроне,—жить в радости. Помни, нужно любить и уважать себя, свои желания. Не гневи Бога и не обращай к нему с неразумными просьбами. Радуйся каждому дню и каждой мелочи, что тебе посылается. Защити свое сердце от уныния, злобы и зависти. Будет у тебя в день кусок хлеба—радуйся, не будет—попей водички и радуйся. А не будет даже водички, выйди на улицу и порадуйся солнышку, дождику или снегу. Радость только радостью притягивается. Холодное или злое сердце радоваться не заставишь.

Поезд давно укатил, а Таисия долго стояла на перроне, смотрела ему вслед и молилась о том, чтобы тень Славки Кукина не задела её доченьку.

Маленький домик в три окошка утопал в зелени. Перед окном росла рябина, посаженная Романом Петровичем в год, когда родилась Шурочка. Ягод на рябине было много, что говорило о долгой и суровой зиме. Таисия подумала о долгих одиноких вечерах без дочери, без родителей, которые совсем немного прожили в покое. Теперь ей дожидаться старости и мечтать о том времени, когда в маленьком домике с садом зазвенит детский смех внучат.

Таисия переделалась в старенький халат, взяла ведро и пошла обрывать вишню. Стоя под деревцами, она вспомнила те счастливые дни, когда они с Давидом заготавливали в прок полсотни банок компотов и варенья. Вон там, под старой сливой они целовались, испуганно отскакивая друг от друга при малейшем шорохе.

Если бы у неё была возможность съездить в неведомый Израиль, поплакать на могилке Давида, подробно расспросить о последнем годе его жизни. Ей была бы ценна любая мелочь, любое слово, она бы камни целовала, по которым ходил её любимый, её муж, её Давид.

О чем она иногда жалела, так это о том, что не ответила на письмо Лии, не сохранила адреса. Кто знает, может, когда-нибудь Шурочка смогла бы побывать в Израиле, навестить могилу отца. Да и родство какое никакое. Тяжело быть на свете одному. Есть, конечно у Шурочки брат, да только лучше иметь в родственниках лесного волка, чем Юрика Кукина.

Вторая часть

Рем Битюгов, известный реставратор и крупнейший специалист в области антиквариата, проснулся в своей мастерской, и, стараясь не потревожить раскалывающуюся голову, сел на выдавшей виды кушетке. Он с ненавистью глянул на творящийся вокруг бардак, прикинул, что срочный заказ он так и не успел выполнить, справедливо предположил, что в холодильнике нет ни то что пива, но и минеральной воды, а в огуречном рассоле, оставленном в банке на окне, ему со своего места было видно, плавали окурки.

Если еще и в кране не будет воды, подумал Рем, то он просто умрет. Но до крана надо было дойти, а это значит, преодолеть наискосок пятидесятиметровую комнату, затем спуститься на четыре ступеньки вниз и, пройдя половину бесконечного коридора, попасть в закуток, который он называл кухней. Правда попить можно было и в ванной, которая находится гораздо ближе, но он помнил, что с вечера там устраивался на ночлег пьяный Никола—его друг и по совместительству скульптор Николай Аристов. Если Николу сейчас разбудить, то обнаружатся все основания для продолжения встречи друзей, а это значит, что и несрочные заказы полетят в тарарары.

Нет, Николу он будить не станет. Он поступит хитрее: выберется из дому, сядет в электричку и доберется до Холмов. Там, на свежем воздухе и ледяной озерной водичке, восстановится, попьет с Кузьмичом травяного чаю и только после этого вернется в Москву. Уж тогда он точно сможет противостоять натиску Николы, который после двух месяцев, проведенных в Европе, никак не мог нарадоваться возвращению домой и возможности запросто позвонить любому корефану и капитально посидеть в ресторане. Потом, как положено, продолжить в каком-нибудь ночном баре, а то и вовсе на чьей-нибудь квартире, пить и, размахивая длинным пальцем перед носом собеседника, яростно доказывать, что «они там насквозь протухли», и «искусство для них не искусство, а способ выпендриться...», и так далее.

Рем за неделю уже все понял, но никак не мог убедить в этом Николу, который, казалось, навечно поселился в мастерской, игнорируя каждодневные звонки своей жены Маргариты, которая в последний раз предупредила, что «сама за ним приедет». Если угроза не шуточная, то Маргариту следует ждать сегодня, ближе к полудню. Присутствовать при нежной встрече супругов Битюгову не хотелось, а Холмы так манили его измученное недельным пьянством

тело, что через час с небольшим, он уже был в электричке, среди многочисленных дачников, ринувшихся на родные шесть соток за остатками урожая.

Холмы встретили звенящей тишиной и радующей глаз «в багрец и золото» одетой рощей. Перпендикулярно роще тянулся небольшой ряд старых деревенских домиков с садами и огородами, с привязанными к загородкам козами и телятами. Здесь доживали свой век пенсионеры, которые не соблазнились тесными углами у детей и внуков, проживающих в Москве. Помогая друг другу, они засаживали участки картошкой, заготавливали сено для скотины, держали кур и уток. Не испорченная цивилизацией земля давала дополнительный доход в виде грибов и ягод, орехов и березовых веников. Главным сбытчиком природных богатств в Холмах считался Кузьмич, который двадцать лет назад по настоянию врачей купил в Холмах домик и поселился там с больной женой Раисой Тимофеевной. Благодатная природа продлила жизнь Раисы на целых четырнадцать лет, хотя специалисты-онкологи сходились во мнении, что больше года, пусть полутора, женщина не проживет. Прожила, да еще как! Не было более азартной собирательницы, чем Раиса. Таскала полные корзинки грибов тогда, когда другие едва находили на жареху. Семья сына, которому и досталась трехкомнатная квартира в Москве, обедалась ягодными заготовками бабушки Раи, а сам сын парился в бане вениками, связанными руками матери.

Другие пенсионерки или женщины предпенсионного возраста чуть занемогут, сразу в постель, детей вызывают, горстями таблетки глотают, а Раиса Тимофеевна даже в самые тяжелые дни с утра просила мужа:

—Петя, помоги.

Петр Кузьмич без разговоров помогал жене снарядиться по-походному и сопровождал её то в рощу за грибами или орехами, то на дальние холмы за крупной земляникой. Бывало, они долго сидели с удочками у Холодного озера, налавливали бидончик рыбной мелочи и одаривали ею встречных котов.

Похоронив жену, Петр Кузьмич не вернулся в Москву. У него было маленькое хозяйство, приличная пенсия бывшего метростроевца и огромное желание прожить остаток жизни в согласии с природой и самим собой. В большом городе это невозможно.

С Ремом Битюговым Кузьмич был знаком уже лет десять, любил, когда тот приезжал к нему, делился последними столичными новостями и своими думами по поводу будущего страны и человечества в целом.

—Здорово!

—Здорово!

И больше ни слова, пока не протопилась банька, стоящая на самом берегу Холодного, пока не исхлестались два березовых веника об Рема, и не потеплела ледяная вода в озере от огненно-красного и не по-городскому крепкого тела гостя.

—Жениться тебе надо,—в который раз заводил на одну и ту же тему разговор Кузьмич.

—Уже было,—дул на кружку с травяным чаем Рем.

—Тогда заведи домработницу, чтобы следила за твоей берлогой да варила тебе борщи.

—Домработнице платить надо, а у меня, сам знаешь, сегодня густо, а завтра пусто. Да и...

—Что?

—Старуху мне жалко будет загружать, а женщина помоложе обязательно залезет в мою постель,—усмехнулся Рем.

—Так уж и обязательно?—подначивал Кузьмич.—У нас что же морально устойчивые женщины перевелись? Не поверю.

—Думаю, что не перевелись, да только мне не попадется такая.

—Вот! Дело-то в тебе самом!

Посидели, помолчали, налили еще по кружке чаю, утерли лица полотенцами.

—Хорош чашек,—похвалил Рем.

—Угу.

Как всегда в такие моменты расслабленности и покоя приходят в голову лучшие мысли.

—А ты дай объявление,—предложил Кузьмич,—что, мол, сдаю угол, но на определенных условиях. А условия будут такие: живи бесплатно, но выполняй домашнюю работу.

—Ну, тогда точно нарвусь на потенциальную невесту,—отверг Рем, но сама идея объявления ему понравилась.—Я вот что думаю...

Не успела пройти неделя, как в мастерскую Рема Битюгова постучалась Шурочка Панова, студентка-первокурсница. Сказать, что она ему сразу понравилась, нельзя: смущающаяся и краснеющая по любому поводу провинциалка, немодно одетая и по-деревенски окающая, вечно путающая «кто звонил, и что велел передать», имеющая диаметрально противоположное хозяйскому мнению, где и что должно лежать. Две недели прошли в упреках со стороны Рема и слезах со стороны Шурочки, но потом, как-то незаметно все пришло в норму, и Битюгов хвалил себя за то, что не отправил девушку восвояси в первые же дни. Новая жиличка оказалась смышленной, работающей, а главное, что подкупило Битюгова, это её благоговейное отношение к тому, что он делал. Шурочка могла часами стоять рядом, наблюдая, как из почерневшего нутра старой иконы под руками Рема проступает неземной лик Богородицы или Спасителя, как старая доска на четырех ногах, уродливо выкрашенная прежними хозяевами, превращается в китайский шахматный столик, сделанный в семнадцатом веке.

—Занимательно?—порой спрашивал Рем замершую Шурочку.

Девушка быстро-быстро кивала головой, а потом, не смеядохнуть, приближалась к реставрируемой вещи, глазами ощупывая характерные трещинки, пятнышки, разводы. При этом тонкие её пальчики подрагивали, словно она пыталась повторить чудодейственные движения рук мастера.

Часто Рем думал, что из девчонки вышел бы неплохой реставратор, но такой судьбы он ей не желал. Судьба Шурочки, считал Битюгов,—судьба обычной женщины: замужество, дети. Работа же с антиквариатом полностью поработает человека, не оставляет ему ни сил, ни времени на личную жизнь, такую, какую хотела для него его бывшая супруга.

Они с женой прожили чуть больше десяти лет, а потом она ушла, упрекнув напоследок, что все эти годы он был женат «на своем старье», которое не терпит соперничества ни с женским смехом, ни детским криком. Сейчас его бывшая жена замужем, у неё двое детей, пушистая собачонка и муж, который по первому намеку красавицы Ольги Павловны летит за билетами в театр или пригласительным на престижную тусовку.

Реставрация, антиквариат, считал Рем,—дело сугубо мужское и удел одиночек. Если девочке интересно наблюдать за его работой, он не против, но агитировать её за вступление в ряды таких как он, не станет.

Мастер посмотрел в сторону Шурочки, которая в этот момент наводила порядок в дальнем углу мастерской. Прежний хозяин, еще до Рема, для чего-то решил отгородить часть помещения кирпичной стеной. Но то ли надобность отпала, то ли кирпича не хватило, но перегородка осталась не законченной и представляла собой своеобразную кирпичную лестницу, упирающуюся в потолок. Если измерить стену по низу, то выходило почти четыре метра, а по верху—не больше двух с половиной. Как бы там ни было, но незаконченная стена отгораживала приличный угол, где и устроилась Шурочка. Ступеньки незаконченной кладки она использовала оригинально: каждую застелила куском плотного картона и устала книгами. Вот такой книжный стеллаж получился у неё!

Рем одобрил фантазию девушки и больше не вникал в те изменения, на которые время от времени шла Шурочка. Более того, он часто удивлялся, когда студенточка могла ни из чего смастерить держатель для картинных рам, предложить свой вариант рационального использования пространства шкафа для реактивов и мелких предметов. Большие скрепки, магниты,

клеякая лента и даже ячейки из-под яиц—все шло в дело. Мастерская стала выглядеть более цивилизовано, а тщательно вымытые огромные окна создавали почти праздничное настроение.

Но и Рем не оставался в долгу перед своей жилищкой. Он не только предоставил, как обещал в объявлении, «угол», но и ненавязчиво следил, чтобы девочка не голодала, имея в своем распоряжении стипендию и редкие почтовые переводы от матери. Он приучил Шурочку обедать и ужинать с ним, сердился на её уловки отговориться нечаянным обедом «у подружки» или «в кафе».

—Посмотри мне в глаза,—требовал Битюгов, отлично знающий, что до стипендии еще неделя, а новые колготки съели последние рубли девушки.—Ты не умеешь лгать. Твое лицо выдает тебя. Если хочешь научиться скрывать свои чувства, научись владеть им. Но даже те, кто умеет это делать, поверь, не может скрыть голодного блеска в глазах. Пойдем ужинать, а я расскажу тебе...

Шурочка тайком вытирала слезы и послушно шла к столу. Она давала себе слово есть чуть-чуть, но Рем был замечательным рассказчиком, и уже через несколько минут замороженная голосом мастера Шурочка уплетала суп и макароны по-флотски, хрупала печеньем, запивая его сладким чаем. Битюгов говорил и говорил, а сам в душе сожалел, что нет у него детей. А ведь по возрасту, Шурочка могла бы быть его дочерью. Э-э-э-х!

Учась в институте, Шурочка Панова больше знаний о современном и классическом искусстве, о разных течениях и творческих школах получала именно от Битюгова и тех людей, которые собирались в его мастерской. Здесь бывали художники, скульпторы, музейные работники, барыги, занимающиеся перепродажей старинных вещей, коллекционеры, священники и просто богатые люди, зашедшие к Рему в поисках раритетов. Бывали здесь и непризнанные молодые гении и ребята-краснодеревщики, был даже один таможенник, который считался признанным авторитетом в оценке старинных предметов.

Учеба Шурочке давалась легко, поэтому свободное время она проводила в московских музеях, на выставках, куда проходила всеми правдами и неправдами, часами бродила по Арбату, учась отличать подделки от проблеска таланта. Часто в путешествиях по Москве её сопровождала Лиля Комарова, одноклассница, москвичка, девушка веселая и общительная. Шурочка копировала манеры Лили, старалась говорить, как она, копила деньги, чтобы купить такой же шарфик или сумочку. Их дружба была взаимно полезной: Шурочка была Лилиной палочкой-выручалочкой на экзаменах и зачетах, контрольных и коллоквиумах, а Лиля для подружки-провинциалки стала образцом для подражания. Через два года только очень проницательный человек мог определить, кто из подруг родился и вырос в столице, а кто приехал сюда совсем недавно. Да и дело было не во внешности или манере разговора, а в том, что осталась в Шурочке неподдельная искренность, наивность и готовность удивляться, чего давно уже не встретишь у замотанных вечной спешкой и огромными расстояниями москвичей.

—Шурочка!—кричит Лиля, стоя в самом конце длинного институтского коридора.—Иди сюда!

Шурочке некогда, она набрала книг в библиотеке, альбомов и тащиться с такой тяжестью снова в аудиторию, не хочется. Но обидеть подругу не может.

—Уф,—выдыхает девушка, опуская битком набитую сумку на скамейку.—Что у тебя?

У Лили заплаканные глаза и покрасневший носик.

—Вот,—протягивает она папку с курсовой работой.—Опять не приняла.

—А ты исправила, как она велела в прошлый раз?—спрашивает Шурочка.

Лиля нервно дергает плечом, прикусывает нижнюю губу ровными белыми зубками.

—Да ей хоть как исправь, все равно недовольна.

«Ей»—это Алле Борисовне Перегинец, преподавателю античной культуры, которая требует от студентов точности в изложении фактов, тщательной проработки деталей и достаточно широкого кругозора. Ни того, ни другого, ни третьего в курсовой работе Лили Алла

Борисовна не нашла. Для Комаровой несдача вовремя курсовой грозила большими неприятностями, а переделать работу в соответствии с требованиями преподавателя—непосильная задача. Поэтому вся её надежда на Шурочку.

Шурочка это понимает, но браться за работу подруги—это значит бессонные ночи минимум на неделю. А у Шурочки были свои планы.

Лиля шмыгает опухшим носом, вытирает носовым платком безнадежно испорченный макияж и горестно вздыхает. Сердце Шурочки не выдерживает. Она берет папку, взваливает на плечо сумку с книгами и успокаивает подругу:

—Ладно, сделаю.

—Шурочка!—верещит Лиля, и глазки её моментально высыхают.—Я знала, что ты настоящая подруга. Слушай,—переходит она к другой теме,—сегодня в «Художественном» такой фильм идет, помнишь, Светка Андреева говорила...

—Некогда мне,—упрекает Шурочка свою легкомысленную подругу и бредет по длинному коридору, прикидывая, успеет ли она свою курсовую закончить к сроку.—Свалилась же ты на мою голову,—бормочет девушка, перекидывая каждые десять метров сумку с одного плеча на другое.

Все следующие вечера Шурочка сидела за своей кирпичной стеной и буквально заново переписывала курсовую своей подруги. Когда до конца оставалось чуть-чуть, Рем Битюгов поинтересовался, чем она так упорно занята.

—Иди посмотри, какую доску мне принесли,—под «доской» подразумевалась старая икона, которая без талантливых и умных рук реставратора так и осталась бы доской.—Оторвись на минуту. Что там у тебя такого срочного?

—Лильке курсовую пишу,—донеслось до Рема из-за перегородки.—Ей сдавать, а работа никакая. Аллу Борисовну не проведешь набором фраз и ссылками на чужие работы.

—Аллу Борисовну?—переспросил Рем.—Это которая...

—Перегинец,—подсказала Шурочка, но так и не вышла из своего угла.

Битюгов постоял, потрогал трехдневную щетину на подбородке и решительно шагнул в закуток своей жилички. Здесь, кроме длинного, но узкого стола вдоль стены, стояла тахта; старый книжный шкаф, который достался Рему после раздела имущества, служил одновременно шкафом для одежды и комодом для белья, а два стула, сколоченные между собой, как в каком-то зрительном зале и застеленные узким ковриком, играли роль дивана. Шурочка, подобрав под себя ноги, корпела над разложенными по всей поверхности стола карточками, выписками, иллюстрациями и прочим.

Рем взял несколько листков, прочитал. Потом вытащил из папки листки, исписанные чужой рукой и тоже прочитал.

—Да-а-а,—протянул он,—разница видна.

—Что?—подняла голову Шурочка.

—Я говорю, что вот это,—он постучал пальцем по папке с курсовой,—исправить практически невозможно. Проще написать все заново.

—Чем я и занимаюсь,—вздыхнула Шура.

—И за сколько, позволь поинтересоваться?

—В каком смысле?—не поняла девушка.

—Сколько она тебе заплатит за это?

Карие глаза Шурочки изумленно глянули на Рема.

—Нисколько.—Она помолчала.—Мы с Лилей дружим с первого дня...

—Но ведь это не орфографические ошибки исправить,—по лицу мужчины промелькнуло странное выражение.—Ты делаешь работу, которая непосредственно связана с твоей профессией. Вот эта стена,—он ударил кулаком по незаконченной перегородке,—возможно, осталась

незавершенкой из-за того, что каменщику не заплатили. Каменщик уважает себя, уважает свой труд, поэтому сделал единственно правильное—ушел!

Шурочка не поняла, что так разозлило обычно спокойного хозяина.

—Мне это не трудно...—снова начала она, но Рем разозлился еще больше.

—Я не говорю о трудностях, я говорю о самоуважении, о гордости профессионала! Заболей твоя Комарова, ты как добрая подруга можешь посидеть у её постели, сбегать за лекарством в аптеку, намыть полы, в конце концов! Но!!!

Рем почти кричал, не замечая, что бедная девушка побледнела от страха, трясется как в лихорадке и готова вот-вот упасть со стула. Она бы поняла его гнев, если бы в мастерской было что-нибудь не в порядке. Но она знает свои обязанности...и обед готов...рубашки из прачечной не забыла забрать, за телефон заплатила. Чего же он так орет?

—Ва-ва-а-а-а, ы-ы-ы-у-у-а-аа-,—доносится до неё как сквозь слой ваты. Из-за слез она плохо видит окружающее, и холод начинает пробираться её до костей. Почему так холодно, думает Шура, не осознавая, что валится со стула.

Крик обрывается, сильные руки подхватывают девушку в последний момент, не давая ей удариться об угол шкафа, удерживают в вертикальном положении. Шурочка широко раскрывает рот, чтобы глотнуть воздуха, который почему-то становится густым и жестким и никак не хочет попадать в легкие. И главное—тишина.

xxx

—Как вы себя чувствуете?—спрашивает женский голос.

Шурочка с трудом открывает глаза. Тело раздавлено, расплющено собственной тяжестью, рука не хочет повиноваться, а ей так хочется отвести от своего лица ватку, издающую резкий неприятный запах.

—Хорошо,—с чуть заметным придыханием отвечает девушка и, наконец, видит ту, с которой разговаривает. Молодая женщина в белом халате и шапочке склоняется над ней, щупает пульс, потом ободряюще похлопывает по руке.—Вот и замечательно. И давно у вас проблемы с сердцем?

Шурочка не сразу соображает, что это её спрашивают.

—Не знаю,—отвечает она в растерянности.—Никогда не болело.

—Вот и замечательно,—повторяет врачаха и отходит в сторону.

Там она с кем-то долго обсуждает вопрос, «забирать или не забирать», негромко консультирует, как принимать лекарство, сердито предупреждает об ответственности.

—Вот с этим направлением,—говорит она Шурочке, вернувшись,—пойдете к кардиологу. Он назначит обследование и необходимое лечение. С сердечком лучше не шутить,—улыбается врачаха напоследок и, оставляя за собой шлейф французских духов и стук каблуков, покидает мастерскую. Хлопает дверь, снова слышатся шаги, но уже от двери. Кто-то остановился рядом, но Шурочке человек не виден. Она пытается задрать подбородок и посмотреть, но слышит грустный голос Рема Битюгова:

—Прости меня, Шурочка. Я дурак.

Рем подходит близко, садится в ногах у Шурочки и закрывает лицо ладонями. Только сейчас до него доходит весь ужас случившегося. У девочки больное сердце, а он разорался, напугал её, довел до сердечного приступа. И было бы из-за чего! А все гордость, все тщеславие! Лучше бы вспомнил, каким сам был в её годы! А то начал навязывать девочке свои принципы.

Вспоминать свои молодые годы Рем не любил, а те жизненные правила, которым он подчиняется, были выработаны кровью и потом, как говорится. И на это потребовался ни год, ни два. Зато Шурочку он решил просветить одномоментно, а вот что из этого вышло.

—Поздно уже,—вдруг проговорила девушка,—вам домой пора.

Рем вскинулся, поглядел на Шуру.

—Я не могу уйти, вдруг...

—Не волнуйтесь, я в полном порядке. Только слабость небольшая и пить очень хочется. Битюгов вскочил.

—Хочешь минералки?

—Лучше чаю горячего и сладкого,—смущенно попросила Шурочка.

Рем исчез на кухне, а девушка с трудом поднялась, села. Кроме слабости она ничего не ощущала. Вот только рука чуть побаливала в том месте, куда ей сделали укол. Шура глянула на стол с разложенными в определенном порядке листочками, вспомнила, что именно это и стало причиной недовольства хозяина. И зачем нужно было кричать, неужели она бы не поняла, если бы он тихо, спокойно все объяснил?

—Держи.

Рем опустится на корточки, держа в руках большую чашку чаю.

—Я тебе положил пять ложек сахара,—отчитался он.

Шура ахнула!

—Да это не чай, а сироп. Хватило бы и двух ложечек.

—Ладно,—отвел взгляд Рем,—сахару не жалко.

Они молчали. Шура осторожными глоточками пила крепкий, пахучий, сладкий до приторности чай, Рем, сидя за столом, перекладывал с места на место учебники, альбомы, ручки и цветные карандаши. Только до курсовой не дотрагивался.

—Ты славная девушка,—заговорил Рем,—предполагаю, что ты не умеешь обманывать, ловчить, пользоваться моментом. К тому же ты умна и не лишена таланта. Но при отсутствии характера и самоуважения такие люди, как ты становятся легкой добычей прохиндеев, лентяев, подлецов и прочей нечисти. Не возражай! Я старше тебя намного, а значит, умнее и опытнее.

Рем забрал пустую чашку из рук девушки, помог ей удобнее устроиться на тахте, прикрыл её пледом, а сам плотно сел на стул возле стола. Он брал то один, то другой лист в руки, клал на место, прикусывал в напряжении нижнюю губу и потирал ладонями лицо, что служило верным признаком сильного волнения мужчины. Однажды Шурочка уже видела Битюгова в таком состоянии. Тогда он решал вопрос, браться ли за реставрацию нескольких старинных икон, потому что предполагал, что они ворованные.

—Я не хочу тебе ничего объяснять,—продолжал Рем,—но поверь мне на слово, нельзя не ценить свой профессиональный труд. Мы должны, обязаны даже помогать людям, но не бросать им под ноги наш талант, наши знания, умения. Ты вот взялась за курсовую своей подруги, а она в это время развлекается с молодыми людьми, может, отдыхает. Но даже не в этом дело.

Он снова замолчал, подбирая нужные слова.

—Короче, научись в первую очередь сама ценить свой труд. Во-вторых, дай понять окружающим, что свои услуги ты ценишь достаточно высоко. В-третьих, избегай тех, кто под видом дружбы или приятельских отношений пытается заставить тебя работать на него. Таких халявщиков более чем предостаточно. Между прочим, они-то никогда и ни при каких условиях задаром ничего не сделают.

Шурочка соглашалась в душе с Битюговым, но представить не могла, как она, допустим, попросит с Лильки деньги за курсовую. Словно прочитав её мысли, Рем посоветовал:

—Верни завтра же курсовую подруге и скажи, что за твой вариант она должна заплатить.

—А сколько?—покраснела девушка.

Мужчина подумал и назвал ей цифру, которая Шурочке показалась заоблачной.

—Не волнуйся, это средняя цена. Другие за эту же работу взяли бы больше.

—А что, есть такие, которые...

—Эх ты, наивное дитя!—улыбнулся Рем.—Знаешь, сколько богатых бездельников, а то и просто бездарей учится в московских вузах? У них нет мозгов, усидчивости, старания, но есть родительские деньги, и они готовы заплатить любому, кто избавит их от тяжкого умственного труда. Так почему бы талантливым, умным, но малообеспеченным студентам не взять на себя

этот труд?! Двойная польза: ты получаешь деньги и вместе с тем активизируешь свои знания, способности, что, согласишься, немаловажно.

Рем взял один из листков, написанных рукой Лили, прочитал первый попавшийся абзац.

—Вот это стоит пятак, а вот это,—он зачитал абзац, написанный Шурочкой,—оценивается совершенно по другому тарифу. Усекла?

Девушка смущенно улыбнулась.

—Усекла.

—Тогда я пошел?

—Спокойной ночи.

—Ты не вставай,—от порога крикнул Рем,—я своим ключом закрою.

Хлопнула дверь, Шурочка осталась одна. Может, другая бы на её месте боялась остаться в огромном полупустом помещении одна, но она не испытывала ни малейшего страха. Напротив, часто ночами она простаивала у огромного окна и с десятиэтажной высоты смотрела на Москву, на небо, часто затянутое черными облаками, реже—украшенное звездным бисером и одинокой луной, любила представлять жизнь людей, отгораживающихся от мира разноцветными занавесками.

В детстве она очень любила прятаться за оконной занавеской, воображая себя в кукольном домике. Вспомнив о детстве, сразу вспомнила маму. Последний раз они виделись зимой на втором курсе, считай, полтора года назад. Перед началом летней сессии в тот год мама написала ей, чтобы она не приезжала, так как неизвестно откуда свалился ей на голову сын Юрик, уголовник с многолетним стажем. Как мать она не смогла прогнать сына, и теперь он живет с нею, периодически пропадая на какое-то время, а потом возвращаясь.

«Он не работает, писала мама, болен туберкулезом. Редко когда поможет по дому. Обычно сидит на крыльце курит беспрестанно и бормочет что-то себе под нос. Слышала, что ходит он к Наташе Роговой. Ты, наверное, помнишь её, она училась с тобой до девятого класса, а потом пошла работать на прядильную фабрику. Наташа живет с замужней сестрой, у которой трое детей. Теснота, крики, безденежье. Девочка готова хоть за черта выйти, лишь бы из этого ада выбраться. Хотелось мне её предупредить, что с Юриком она в такой же ад попадет, да не смею. Что уж будет».

Шура не могла представить Юрика в их домике с чистыми половичками, белоснежными, выстроченными занавесками на окнах и у божницы. В её представлении старший брат был угрюмый, со зверским выражением лица детина, пропахший тюремными запахами и заражающий всех вокруг палочками Коха.

Ни о каких каникулах дома Шурочка теперь и не думала, но со страхом ждала окончания института. Куда ей потом? Остаться у Битюгова? Жить в домработницах? А она мечтает о собственной семье, детях, хорошей работе, собственном жилье. Да и Рем еще не старый. Вдруг он женится, и останется она без заработка и без угла.

Как ни думай, как ни раскладывай, но придется вернуться домой. Она будет жить с мамой, а Юрик пусть ищет себе пристанище сам. Тем более что дом на неё, Шурочку, оформлен. По закону.

С этой мыслью девушка уснула, а на следующий день сделала так, как советовал ей Рем.

—Возьми,—протянула она папку Лиле.

Та радостно протянула руки, схватила курсовую, заиграла всем лицом.

—Спасибо, спасибо, Шурочка!—засюсюкала она.—Что бы я без тебя делала! Пусть теперь Алла подавится!—засмеялась и полетела по коридору, ведущему на кафедру. А Шура спустилась в буфет, взяла любимое пирожное, яблочный сок и устроилась за дальним столиком. Она редко позволяла себе такую роскошь, как пирожное и сок, но сегодня, после стольких дней упорного труда, она себя решила побаловать.

Прозвенел звонок, и Шурочка Панова поспешила в лингафонный кабинет, где старательно отрабатывала не дающееся ей английское произношение. С опозданием появилась Лиля Комарова. Радостное выражение покинуло её лицо, покрытое красными пятнами досады. Она бросила злой взгляд в сторону Шурочки, шумно двинула стулом и уставилась в одну точку. Папки при ней не было, как заметила Шурочка. Сердце её часто-часто стучало, в животе что-то больно сжималось, а внутренний голос нашептывал: «Зачем ты это сделала? Как стыдно». К концу занятий Шурочка окончательно решила отказаться от идеи заработать на курсовой Лильки, подумав, что прогулки с подругой по Москве, её оптимистическое щебетание и «смех без причины» компенсируют материальные недостатки.

Как только они оказались вне аудитории, Шурочка догнала подругу, спешащую по коридору.

—Лилья...

—Знаешь, Панова,—тут же зло заговорила Лилья,—я конечно не ожидала...

Шурочка замерла, потом обреченно повернула назад. Но Лилья удержала её, торопливо заговорила:

—Я согласна тебе заплатить, тем более это меньше, чем запросила Сокова. Только что же ты сразу мне не сказала? Я как дура поперлась к Алле со старой курсовой, а она на меня так вызверилась! Знаешь, что она мне пообещала, если я ей к концу недели не сдам курсовую? Времени совсем не осталось.

Лилья нервно колотила себя сумочкой по ногам.

Проглотив комок в горле, Шурочка сказала:

—Принеси завтра деньги, а я тебе принесу курсовую. Тебе как раз хватит времени, чтобы переписать.

И пошла. На душе было беспокойно. Значит, прежде чем обратиться к ней, Лилька ходила к Соковой. Про их однокурсницу говорили, что она может любую курсовую и даже диплом достать, потому что имеет доступ к архиву, где годами хранятся студенческие и аспирантские работы. Сокова была отличницей, висела на доске почета, получала повышенную стипендию. Ей ничего не стоило написать любую работу, и она на этом, конечно, неплохо зарабатывала.

Лилька пожалела родительских денег и решила, как всегда подрядить свою подругу, проносилось в голове Шурочки. Мол, этой провинциалке за счастье будет избавить Лилечку Комарову от жестких требований преподавателя. Она и за спасибо все сделает!

Прав был Рем, во всем прав, твердила себе Шура, добираясь до мастерской. И ей на будущее надо уяснить, что её мозги и её талант имеют цену, и распоряжаться ими имеет право лишь она сама. Кто знает, как сложится её дальнейшая жизнь, но урок Рема она усвоит.

На следующий день сделка состоялась, и Шура оказалась обладательницей суммы, намного превосходящей стипендию. Она практически не слышала ничего из того, о чем говорилось на занятиях, и мысленно планировала, что купит на эти деньги. Скоро лето, нужны босоножки, хочется джинсовую юбку. Вот сумку не мешало бы сменить. Но когда она по пути забежала в гастроном, чтобы купить пельменей на ужин, то изменила свое решение. Юбка подождет, а вот за жизненный урок Рема нужно отблагодарить.

Шура купила курицу, любимый Битюговым соус «Ткемали» и большую бутылку сухого красного вина. В мастерской она тихо проскользнула за спиной работающего над очередным шедевром Рема, замариновала курицу, а через час разложила её на большой сковороде, не забыв натереть чесноком и перцем. Сварить рис было делом минуты, а открыть вино и того меньше.

Аромат курицы наполнил кухню, потом пробрался в просторную мастерскую, завертелся вокруг увлеченного делом Битюгова. Реставратор вначале не обратил на него внимания, но через несколько минут вынужден был оставить работу, принюхаться и вопросительно гля-

нуть в сторону кухни. Оттуда с подносом в руках показалась Шурочка. Она прошла к столу и, предварительно отодвинув локтем ящик с мелким инструментом, водрузила на него поднос.

—По какому случаю гуляем?—спросил Рем.

—По поводу первой зарплаты,—гордо ответила девушка и засмеялась.—Лилька заплатила мне столько, сколько я и сказала.

—А я и не сомневался,—ответил Рем после небольшой паузы. Он-то боялся, что Шурочка спасует, не сможет отказать подруге.—Теперь я за тебя спокоен.

Они пододвинули стулья к столу, разломили по-братски курицу, налили в простые стаканы вина.

—Спасибо вам, Рем Иванович, за науку,—просто сказала Шурочка и отпила несколько глоточков.—Мой первый заработок и это первое в моей жизни вино будем считать началом взрослой жизни Шуры Пановой. Нужно ли мне говорить, что от вас я больше узнала, чем на занятиях в институте. Куда бы ни закинула меня судьбина, с кем бы ни столкнула, но вас я буду считать своим первым учителем. Я пью за вас, Рем Иванович.

Шурочка выпила стакан до конца, смело взглянула на Битюгова. Тот задумчиво вертел стакан в руке и улыбался, что случалось с ним крайне редко.

—Спасибо, девочка, за добрые слова и высокую оценку моего скромного вклада в твое образование,—по-доброму усмехнулся Битюгов.—Но если мы говорим о твоей новой взрослой жизни, то позволь мне дать тебе еще один совет.

—Я заранее говорю, что воспользуюсь им.

Рем немного помолчал, словно прикидывая, не далеко ли он зашел в роли советчика, но потом выдал:

—Тебе не идет имя Шура, Шурочка. Уж слишком оно звучит по-деревенски. Да и внешность твоя требует чего-то более значимого, например, Саша, даже Александра.

Шурочка зарделась. Она была невысокого мнения о своей внешности, но если Рем сказал...

—Я согласна! Давайте выпьем за Сашу Панову, а может, и за Александру Давидовну Канцлер.

Брови Рема поползли вверх.

—Уж не новая ли Мата Хари поселилась под крышей моей мастерской?—воскликнул Битюгов.—Не прошло и трех лет со дня нашего знакомства, а я узнаю, что моя домработница имеет подпольную фамилию!

—Смейтесь, смейтесь!—надулась Саша.—А я говорю правду!

Битюгов смеялся, глядя на сердитое лицо своей жилички. Вино окрасило обычно бледные щеки Саши, рыжеватые волосы растрепались и забавно торчали вверх, создавая золотистый ореол вокруг головы. Было во внешности Саши что-то грузинское, только более мягкое, будто размытое. Рем мог предсказать, что волосы девушки со временем потемнеют и приобретут оттенок старой меди, а матовая кожа станет точь-в-точь как у жительницы средиземноморья. Судя по отчеству, в жилах Саши течет еврейская кровь.

—Ты не обижайся,—Рем дотронулся до руки Саши.—Это я пошутил. А ты чем дуться, лучше бы рассказала о себе, а то столько времени знакомы, а я о тебе ничего не знаю.

И Саша рассказала то, что знала со слов своей матери, что слышала от бабушки и дедушки, что сама помнила из детства. Иногда она прерывалась, всхлипывала по-детски, смахивала слезы с длинных прямых ресниц и продолжала. Рем смотрел на девушку и поражался тому, как на самой настоящей навозной куче мог вырасти такой прелестный цветок.

—Так ты говоришь, что мертвая женщина предсказала твоей матери всю её жизнь?

—Ну да,—горячилась Саша.—Причем все так и вышло, как она сказала. И мама всегда считала, что «нечаянный цветок» это я. Берегла меня, лелеяла, я вам и сказать не могу как. Успею ли я ей отплатить за её добро,—пригорюнилась девушка.

От выпитого вина закружились перед глазами стены мастерской. С непривычки Саша поминутно зевала, а под конец и вовсе уложила голову на согнутый локоть и закрыла глаза. Она бы так за столом и уснула, если бы Битюгов не взял инициативу в свои руки. Он осторожно довел девушку до тахты, уложил, сверху прикрыл пледом. Сам отнес поднос с остатками пира на кухню, тщательно вымыл руки и снова сел за рабочий стол. Заказ должен быть выполнен в срок, иначе Рем Битюгов потеряет репутацию пунктуального, держащего слово человека. Он нет-нет да поглядывал в сторону кирпичной недостроенной стены, за которой спал «нечаянный цветок» Саша Панова-Канцлер.

xxx

Все хорошее быстро кончается. Закончились счастливые годы студенчества для Саши Пановой. С красным дипломом, приличным багажом знаний, практическими навыками эксперта антиквариата, полученных в мастерской Рема Битюгова и его же рекомендательным письмом к Алексею Алексеевичу Пономареву вернулась Саша в родной город и устроилась на работу в областной музей изобразительного искусства. Зарплата была маленькая, но коллектив был замечательный и принял Сашу, как родную. На первых порах особую роль в её судьбе сыграла Серафима Николаевна Пашкова, заместитель директора музея, женщина удивительной доброты. Именно с её разрешения Саша поселилась в старой пристройке музея, куда вел отдельный ход, и где находилась столярная мастерская.

—Комнатка, конечно, так себе,—развела руками Серафима Николаевна,—зато до работы близко. Перебежала двор и на месте.

Она обошла кругом четырнадцатиметровую комнату, задрала голову к небольшому оконцу чуть ни под самым потолком, потрогала рукой стены.

—Сырости здесь не замечалось,—сказала она,—батарею меняли года два назад, не более. Так что располагайся. Попроси Константиныча, чтобы дверь тебе наладил и замок вставил.

Константиныч, один из самых ценных работников музея, в своем лице представлял и плотника, и столяра, а при необходимости и слесаря-сантехника. Какая бы неприятность ни случалась в музее, сразу звали Константиныча. О том, как звать незаменимого работника и какова его фамилия, наверное, знала только кассирша, которая выдавала зарплату. Остальные так привыкли звать его Константинычем, что страшно бы удивились, если бы узнали, что по паспорту их слесарь-плотник Луначарский Анатолий Константинович.

Так Саша Панова поселилась в музейной пристройке, хотя в районе вагонно-ремонтного депо, в тихом переулке, стоял домик в три окошечка, принадлежащий, судя по документам, именно ей. Но дорога туда ей была заказана. В доме давно поселился и чувствовал себя полным хозяином Юрка Кукин, её брат по матери и кошмар её детских снов.

—Вот что, Шурка,—Кукин-младший не пустил её дальше крыльца.—Тебе здесь делать нечего. Я здесь живу, поняла? Я законный сын нашей матери и внук бабке с дедом. А ты спиногрызка, жидовская морда! Еще раз сунешься сюда, я тебе ноги узлом завяжу и по улице пущу. А начнешь через мамашу шуры-муры, так я её...—Юрка чиркнул ладонью по горлу,—и в колодец. Век искать будут—не найдут. Так что проваливай, жидовка, спиногрызка!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.